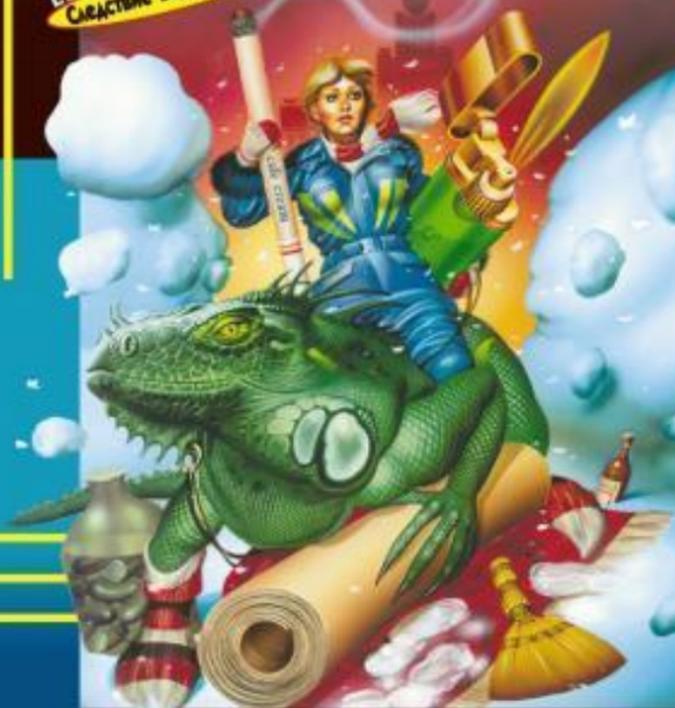

Дарья Донцова

Хождение под МУХОЙ

Евлампия Романова
САРАФАНЕ ВЕДЕТ АМЕТВЫ!

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Хождение под мухой
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123208

Аннотация

У меня, Евлампии Романовой, не жизнь, а театр абсурда! В нашей квартире поселилась бабка с варанихой. Божий одуванчик гоняет в свои семьдесят на роликах, а ящерица спит в моей постели. Попробуйте в таких условиях вести дело об убийстве, да не об одном... Сначала сгорел в джипе муж моей подруги Нади – Богдан. Потом Надю кто-то довел до самоубийства звонками «с того света» и посылками с горелыми вещами мужа. Мои погибшие друзья были врачами. А вскоре я узнала, что Богдан перед смертью продал медицинскую клинику своему заместителю Егору Правдину... Но тут и с Егором произошла беда – он выпал с балкона. Вы верите в случайность?! Я тоже! На похоронах я выяснила, что мои друзья занимались пересадкой органов за деньги. Наверняка их всех убил какой-нибудь больной, которому пришили что-нибудь не то...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	56
ГЛАВА 6	70
ГЛАВА 7	81
ГЛАВА 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дарья Донцова

Хождение под мухой

ГЛАВА 1

Жизнь ужасно несправедлива. Одной достается красота, счастье, удачливость, другой не перепадает ничего. Но потом богиня судьбы спохватывается и разом забирает у первой все.

Надюшке Киселевой мы завидовали всегда, и было чему. Хороша она так, что даже бродячие собаки останавливались, чтобы посмотреть ей вслед. Еще в школьные годы все понимали, что Надька выскочит замуж лет в восемнадцать, потом разведется, а затем начнет бесконечно менять спутников жизни, подыскивая достойного. Но Надя поступила в медицинский и, несмотря на то, что вокруг нее вечно роились кавалеры, по гулянкам не носилась. Став детским врачом, Надюша попала в поликлинику, где в основном работали женщины. Одним словом, когда ей исполнилось двадцать семь, народ начал считать Киселеву старой девой.

«Провыбиралась, – желчно констатировала Аня Шахова, – все, теперь каюк, мужикам подавай молоденьких».

Но Надя удивила всех. Поехала отдыхать в Крым и вернулась с кавалером. Да с каким! Красавец, умница и тоже врач.

– Погодите, девки, – злилась Анюта Шахова, – курортные романы, они такие. Поверьте мне, старой, стреляной лисе, у этого Богдана небось имеется парочка бывших жен, штук шесть детей и мамаша с гипертонией.

Но Надюшке, как всегда, повезло. Богдан оказался сиротой, никаких жен и ребятишек в анамнезе не имел и просто сох по Киселевой. Сыграли свадьбу, Анюта Шахова была свидетельницей. Я несла букет невесты, потом гуляли целую ночь в ресторане «Прага».

– Долго Надька бобра искала, – шепнула мне Анюта, – мы-то, дуры, все в любовь игрались, и что? Сидим теперь в дерьме по уши, с детьми, без алиментов. А Надюха хитрая. В молодости нагулялась, теперь в ярмо полезла. Эй ты, Лампа, чего молчишь?

Я пожалала плечами. А что ответить? С Надюшей я знакома с детства. Мы жили с ней на одной лестничной клетке, но почему-то не стали лучшими подругами. Может быть, оттого, что были тотально заняты? Я ходила в музыкальную школу, а Надя – в спортивную секцию. Она и в детстве была очень красива, но, в отличие от милых женщин, рассчитывающих только на внешность, Киселева обладала железной волей и целеустремленностью. В молодости она не гуляла, а училась. Наверное, за хорошее поведение господь и наградил ее таким мужем, как Богдан. Одна беда, дети у них никак не получались. Надя очень переживала, а Богдан всем говорил:

– Зачем нам ребятишки? У меня Надюша есть.

– Бывает же людям счастье, – заявила один раз Шахова, – ни пеленок, ни ботинок, ни воплей... Вот уж везет, так везет.

Причем ляпнула она это прямо в лицо Наде на каком-то семейном празднике, куда была приглашена в качестве лучшей подруги. Надежда ничего не ответила, а я возмутилась.

– Думай, что говоришь!

Анюта фыркнула и отправилась курить на балкон.

– Ей бесполезно делать замечания, – улыбнулась Надя, – не порти себе нервы.

– Как ты можешь с такой дружить? Она тебя ненавидит.

– Ну, это сильно сказано, просто Анюта слегка завидует тем, у кого жизнь складывается удачнее, чем у нее, – спокойно ответила Надюша, – мне жаль Нюшу.

В этом высказывании вся Надя. Что же касается везения, то оно пошло к Киселевой непрерывным потоком. Сначала они с мужем написали кандидатские диссертации, а в 1996 году открыли частную лечебницу. Несмотря на огромную конкуренцию в мире медицинских услуг, дела у них завертелись на зависть многим. Надя и Богдан оделись, купили дорогие иномарки, начали ездить по три раза в год отдыхать в Испанию, и было очевидно, что всех заработанных денег им не потратить никогда. Казалось, у Нади не жизнь, а масленица. Но девять дней тому назад все разом кончилось.

Богдан вместе со своим заместителем Егором Правдиным отправились по делам за город, подробности того, что произошло потом, мне неизвестны. Знаю только, что по доро-

ге, почти на въезде в Москву, у них отчего-то загорелась машина, джип, хороший, дорогой, практически новый автомобиль. Он принадлежал Богдану, и сам хозяин находился за рулем. Егор успел выскочить, а водитель нет. Обгоревшее до головешки тело Богдана достала служба МЧС. Мы похоронили его на Митинском кладбище, вернее, сожгли то, что осталось, в крематории.

Надя держалась изумительно. Анята Шахова падала в обморок, билась в рыданиях, демонстративно пила валокордин и рвала на себе волосы. Вдова, внешне достаточно спокойная, стояла возле гроба. По ее щекам не текли слезы, и она не опиралась ни на чьи руки. Просто молча смотрела на закрытый гроб. Но я увидела, что у нее мелко-мелко дрожит щека, и поняла, что Надюша еле сдерживается. Просто хорошее воспитание не позволяло ей кликушествовать.

Потом были поминки, на которые собралось безумное количество людей. Нанятые официанты сбились с ног, таская блюда с блинами. Сначала, как принято, выпили за помин души, сказали массу хороших слов вдове, клялись в вечной любви и дружбе. Затем, поднабравшись, заговорили о своем, понесся смех... Не хватало только оркестра и плясок.

Но, как водится, обещавшие вечную преданность наутро забыли о вдове и сегодня, на девять дней, собралось всего одиннадцать человек.

Я не люблю ходить на поминки, честно говоря, просто не знаю, как себя на них вести. Веселиться нельзя, сидеть со

скорбным лицом глупо, поэтому при первой возможности я убежала на кухню и попробовала помочь по хозяйству. Но домработница и горничная весьма вежливо вытеснили меня в холл, пришлось возвращаться в гостиную. Я уже почти дошла до комнаты, когда раздался звонок. Горничная Соня высунулась из кухни и, показывая мокрые руки, попросила:

– Евлампия Андреевна, не считите за труд, откройте, а то я посуду мою.

Я загремела замком. На пороге возник странный парень, лет семнадцати с виду, одетый плохо, вернее, бедно.

– Телеграмма, – рывкнул он, – Надежде Киселевой, это вы?

Думая, что кто-нибудь из знакомых прислал соболезнование, я пробормотала:

– Давайте.

– Вы Киселева? – не сдавался юноша.

– Можете отдать мне.

– Нет, – протянул курьер, – требуется расписаться.

– Где квитанция?

– Фигушки, – совершенно по-детски заявил работник почты, – зовите Киселеву.

Видя такое рвение, я кликнула Надю. Та получила небольшой листок, развернула его и, сильно побледнев, опустилась на стул.

– Что? – испугалась я. – Мама?

Софья Михайловна уже десять лет, как живет в Израиле,

Надя ездит к ней несколько раз в год. Подруга покачала головой.

– Что тогда?

По-прежнему не в силах вымолвить ни слова, Надюша протянула мне телеграмму. «Извини, вынужден задержаться, приеду 10 марта. Богдан».

– Что это? – ошалело спросила я.

Надя вытащила сигареты и дрожащей рукой чиркнула зажигалкой.

– Глупая шутка, некто решил так пошутить.

– Да нет, – попыталась я ее успокоить, – просто на почте перепутали, не по тому адресу доставили.

Надя вздохнула:

– Нет, милая, это предназначалось мне. Боровский проезд, дом 9, кв. 17, Киселевой.

– Но зачем так по-идиотски шутить?

– Дураков много, – пробормотала Надя, – а у меня еще и завистников хватает. Ладно, давай спрячем сию гадость.

Она запихнула телеграмму в карман красной кожаной куртки, висевшей на вешалке.

– Не говори никому, хорошо?

Я кивнула, и мы вернулись в гостиную. Вечер плавно тек своим чередом, подали кофе. Народ разбился на группки и мирно беседовал. Я, не примкнув ни к кому, просто сидела на диване, возле телефона. Резкий звонок заставил меня вздрогнуть, руки машинально схватили трубку.

– Алло.

Из трубки понеслись писк и треск, я уже хотела отсоединиться, как из этой какофонии вырвался далекий, плохо различимый голос:

– Надюша?

Непонятно почему я ответила:

– Да.

С того конца провода некто, то ли визгливый мужчина, то ли охрипшая женщина, сообщил:

– Любимая, мне плохо без тебя, так плохо, что и передать нельзя. Здесь ужасно темно. И батарейка у телефона почти разрядилась. Ну да ладно, немного раз звонить придется. Десятого марта приду и тебя заберу, жди.

– Кто это? – пролепетала я, чувствуя, что волосы на затылке начинают медленно шевелиться. – Кто?

– Я, любовь моя, я, или ты не узнала?

– Кто?

– Богдан, – ответил невидимый собеседник и отсоединился. Трясущейся рукой я положила трубку и уставилась в прозрачное окошко на аппарате, там горели цифры 764-89-35. Не зная, как поступить я пошарила глазами по комнате и наткнулась на Егора Правдина, врача из клиники Богдана.

– Егорушка, можно тебя на минутку?

– Бегу со всех ног, – улыбнулся Егор и плюхнулся на диван.

Его сто двадцать килограммов мигом провалились в по-

душки, мои сорок восемь покатались к ним. Уцепившись за подлокотник, я поинтересовалась:

– Ты помнишь номер мобильного Богдана?

– Конечно, сколько раз звонил.

– Можешь назвать?

– Пожалуйста, – не удивился собеседник, – 764-89-35.

Я чуть не упала на шикарный ковер, устилавший гостиную.

– Как?!

– 764-89-35, – повторил Егор, – что тебя так удивило? Номер как номер.

– Не знаешь случайно, где мобильник?

– Чей, Богдана?

Я кивнула. Егор потер лопатообразной рукой затылок.

– Глупость, конечно, но Надя попросила, я решил с ней не спорить... В гроб положили, вместе с часами, сигаретами, очками и зажигалкой. Естественно, я понимаю идиотизм этого поступка, но Надежда приказала, вот я и не захотел ей травму наносить, в конце концов не такая уж это великая ценность.

Я тупо смотрела на бутылку с коньяком, стоявшую на столике.

– Налить? – неправильно истолковал мой взгляд Правдин.

– Да, пожалуй.

Егор наплескал в фужер коричневую жидкость, я глотнула и почувствовала, как в желудок рванулся горячий ручеек.

Минут через десять, успокоившись, я взяла трубку и вышла в ванную. Закрывает дверь на щеколду, села на биде и набрала номер 764-89-35.

– Абонент отключен или временно недоступен, – ответил приятный женский голос.

Я уставилась на трубку. А ты чего хотела? Чего ждала от этого звонка? Думала услышать голос Богдана? Интересно, что за идиот шутит подобным образом? Хорошо, что телефон не схватила Надя, так и инфаркт заработать недолго...

Вечером, дома, я легла на диван и взяла газету. В соседней комнате бурно выясняли отношения Лиза и Кирюшка.

– Тебе больше досталось, – ныла девочка.

– Нет, поровну, – отозвался Кирюшка.

– Как же, гляди, на твоей тарелке шесть, а у меня пять.

– Я мужчина, – заявил Кирюшка.

– Ха, – выкрикнула Лиза.

Послышались сочные шлепки, потом грохот, визг... Я отложила «Собеседник» и заглянула в гостиную. Там вовсю шли военные действия.

– Эй, эй, прекратите немедленно, из-за чего драка?

– Вот, – завопила Лизавета, – посмотри. Кате больной подарил коробочку конфет «Моцарт», жутко дорогие. Она велела нам их съесть.

– Так прямо и велела! – ухмыльнулась я.

– Ну предложила, – сбавила тон Лиза, – а в упаковке одиннадцать штук! Как поступить? Между прочим, Кирюшенька,

если бы я делила шоколадку, то, естественно взяла бы себе пять, а не шесть бомбошек.

– Так чего злиться? – заржал мальчик. – Ты и получила пять, все, как хотела!

– Приличный, хорошо воспитанный человек возьмет себе меньше, – заявила Лиза.

– Вот и подай мне пример, – ответил Кирюшка.

– Кирилл, – строго заявила я, – мужчина обязан уступать женщине.

– Фиг вам, – мигом отозвался подросток, – между прочим, Лизка меня почти на год старше, значит, она взрослая, а я ребенок. Вот пусть она мне и уступает!

Те, у кого дома имеются дети-погодки, въехавшие в пубертатный возраст, хорошо меня поймут. Встать на чью-нибудь сторону опасно для здоровья, потому я предложила компромиссный вариант.

– Давайте одну конфету мне, у вас останется десять, очень удобно.

– Но я вовсе не собирался тебя угощать, – заявил Кирюшка.

– Лучше мы лишнюю конфету пополам разделим, – добавила Лиза.

– Фигушки!

– Жадина!

– Жиртрестина.

Слушая, как они ругаются, я побрела к себе в комнату. Да

уж, воспитатель из меня никакой, и детям сей факт великолепно известен.

В нашей семье очень много народа. Моя лучшая подруга Катя, ее сыновья, Сережка и Кирюшка, жена Сергея Юлечка, потом я, Евлампия Романова и Лизавета Разумова. Каким образом мы оказались все в одной, правда огромной квартире, отдельная история. Я не буду ее здесь пересказывать¹. Вместе с нами проживает и большое количество животных: мопсы Муля и Ада, стаффордширская терьериха Рейчел, «дворянин» Рамик, кошки Клаус, Семирамида и Пингва. Странная кличка последней объясняется просто. Мы с Лизаветой купили этого котенка на Птичке. Животное имело бело-черный окрас, и Лиза радостно нарекла киску Пингвином. Через некоторое время выяснилось, что это не кот, а кошка, вот и пришлось звать ее Пингвой. Кроме того, у нас есть жаба Гертруда и несколько хомяков.

Поэтому, сами понимаете, тишины и покоя в нашем доме не дожидаться. К тому же Катюша – хирург, дома ее никогда нет. Юлечка работает в ежедневной газете, а Сережа трудится в рекламном агентстве. Долгое время обеды варила я, но сейчас у меня есть дело по душе, и корабль домашнего хозяйства медленно, но верно идет ко дну.

Решив не обращать внимания на вопли, которые носились под потолком квартиры, я вновь развернула «Собеседник»

¹ См. книги Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», «Гадюка в сиропе», издательство «ЭКСМО», 2000 год.

и попыталась увлечься чтением. Не тут-то было. «Дзинь-дзинь», – ожил дверной замок. Ну вот, прибежала Юля, сейчас закричит:

– Безобразие, опять нет хлеба!

По коридору зашлепали тапки, послышался высокий голосок:

– Безобразие, опять нет хлеба!

Я уткнулась в газету. «Дзинь». Это Сережка, который скорей всего начнет возмущаться, увидев на столе пельмени.

– Отвратительно, – донеслось из кухни, – пельмени «Дарья». Сегодня явилась рекламодательница, весьма милая и представилась: «Дарья». Вы не поверите, меня всего скрючило и переколбасило. Мяса хочу, котлет!

– Могу пожарить «Богатырские», – бодро откликнулась Лиза.

– О, увольте! Хочу домашних.

– Хотеть не вредно, – заявил Кирюшка и понесся опять ко входной двери. Насколько я понимаю, пришла Катя. Но в прихожей стояла тишина, потом Кирюшка всунул голову в спальню.

– Слышь, Лампа, выгляни.

Возле вешалки стоял Ваня Комолов.

– Лампа, спаси!

– Что случилось?

– Самолет через три часа!

– Улетаешь? – ласково спросила я. – Куда?

– В Германию, с оркестром, – сообщил Ванька, прижимая к груди футляр со скрипкой.

– Счастливой дороги, – вежливо пожелала я, не понимая, в чем дело.

– Лампа, – затарахтел Ванька, – пошли. Я договорился с Королевыми, но сегодня Петька ногу сломал, где их теперь оставить?

Я вздохнула. Понятно. Ванюшке надо пристроить на время гастролей собачку или кошку, впрочем, домашних животных скорей всего двое... Все наши знакомые тащат нам на передержку своих любимцев.

– Ладно, неси, кто у тебя?

– Люся и Капа, – сообщил Комолов, – ща приведу, в машине сидят. Ну спасибо, удружила, а то прямо хоть в петлю лезь!

Он умчался вниз. Я села на стул в коридоре. Скорей всего кошки, Люся и Капа, тихие, милые создания, забудутся в диван и баиньки. Всех дел-то – покормить их утром и вечером. Дверь распахнулась. Ванька, отдуваясь, втащил чемодан.

– Вот, Капа!

– Где? – изумилась я. – В кофре?

– Ну ты даешь, – хохотнул Ванька, посторонился и велел: – Входи, входи, не стесняйся.

В прихожую вдвинулась девушка, очень худенькая, с ярко-мелированной головой и в обтягивающих джинсах.

– Очень приятно, – растерянно сказала я, пожала протя-

нутую мне хрупкую, неожиданно морщинистую для молодой девицы ладошку, взгляделась внимательно в лицо Капы и чуть не скончалась.

Из-под разноцветных кудряшек выглядывало личико семидесятилетней дамы.

– Люся кто? – ляпнула я. – Полковник в отставке?

Ванька укоризненно посмотрел на меня:

– У тебя офигительное чувство юмора! Люся вот!

Быстрым движением Комолов потянул стальной сверкающий поводок, на лестничной клетке раздалось шуршание, потом цокот, затем в проеме двери появилось нечто, больше всего похожее на гигантскую ящерицу. Огромное, серо-зеленое, с крохотными глазками и гребнем на спине. Маленькие лапы спокойно несли мясистое туловище, подбородок монстра дрожал, ноздри странно подергивались. Животное казалось бесконечным, оно входило и входило. Вслед за туловищем тянулся хвост.

– Вот, – радостно заявил Ванька, – прошу любить и жаловать, Люся!

– Она кто, – прошептала я, ощущая близость обморока, – какой породы зверюшка будет?

– Варан, – ответил Ваня и, видя мое лицо, быстро добавил: – Очень милая, ласковая, травоядная, а Капа восхитительно готовит, просто блеск, ну я побег.

И, подхватив скрипку, Комолов исчез.

ГЛАВА 2

Спать я легла около двух. Вопреки ожиданиям, наши животные приняли Люсю вполне нормально. Может, посчитали ее особым видом собак? Капу устроили в комнате для гостей. Честно говоря, я недолюбливаю старух, все, что встречались мне до сих пор, были обидчивы, эгоистичны и не давали вставить даже словечко в бурный поток воспоминаний. Когда к нам в гости является кто-нибудь из многочисленных бывших Катиных свекровей, жди беды, мигом начнутся капризы, обиды, выяснения отношений... Но Капа на первый взгляд показалась мне милой.

Увидев бабусю в джинсах, дети слегка удивились, потом Юлечка очень осторожно поинтересовалась:

– Капитолина... э-э-э...

– Просто Капа, – ответила старушка и сдула со лба челку.

– Кем вы приходитесь Ване? – не утерпела я.

– Двоюродной бабушкой, – спокойно ответила Капа, – а что?

– Ничего, – растерянно ответила я.

– Как это, двоюродная бабка? – удивился Сережа.

Капа хмыкнула:

– Я сестра бабушки Вани, теперь ясно?

– Вполне, – заверил Кирюшка.

– Вот и отлично, – констатировала Капа, – теперь, в свою

очередь, ответьте на пару вопросов. В этом доме все работают?

– Да, – прозвучал многоголосый хор.

– Тогда, думаю, никто не будет против, если я займусь готовкой.

– Нет, – заорали мы с Юлькой.

– Великолепно, едем дальше. Что вы привыкли есть на завтрак, я имею в виду из горячего?

– Из горячего? – протянула Лиза.

– Тостики с маслом, – сообщил Сергей.

– Более вопросов не имею, – сказала Капа и ушла.

Не знаю, как вы, а я очень не люблю, когда посреди ночи раздастся звонок по телефону. И хотя чаще всего выясняется, что кто-то спьяну набрал не тот номер, мне хватает тех нескольких секунд, когда, не зная, в чем дело, я тянусь к трубке, чтобы перепугаться до потери пульса. Вот и сегодня резкая трель заставила тревожно сжаться мое сердце. «Спокойствие, только спокойствие, – бормотала я, нащаривая в потемках аппарат, – все дома, дети, Катя, животные, опять идиотская ошибка». Но из трубки послышалось сдавленное:

– Лампуша!

– Кто это?

– Надя.

– Господи, что произошло?

Из трубки донеслось всхлипывание. Окончательно проснувшись, я села.

– Мне приехать?

– Пожалуйста, – пробормотала Надя, – если можешь...

Я натянула джинсы, пуловер, схватила ключи от машины и вылетела во двор.

Надюша встретила меня на пороге, кутаясь в уютный стеганый халат.

– Что произошло?

– Ты не поверишь, – ответила она.

– Выкладывай.

Надя села на стул.

– Где-то около часа раздался звонок в дверь.

К тому времени последние гости давно разошлись, ушла и прислуга, в квартире никого, кроме Нади, не было. Естественно, она насторожилась и глянула в глазок. На лестнице никого не оказалось. Надя перепугалась и зажгла во всех комнатах свет. Потом зазвонил телефон. Подруга схватила трубку и услышала очень далекий, прерывающийся голос:

– Пусть тридцать девятый поросенок не боится.

– Кто? – подскочила я. – Какой-токой поросенок?

Надюша затряслась в ознобе.

– У нас с Богданом игра такая была. Якобы дома жили сорок поросят. Первый отвечал за еду, второй за уборку... Ну баловались мы так, понимаешь? Дурачились. Он меня, когда наедине оставались, постоянно звал: «тридцать девятый»!

– Почему?

Надя грустно улыбнулась:

– Поросята все с разными характерами. Восемнадцатый ленивый, двадцать второй обжора, двадцать восьмой фригидный, у него вечно голова болит, а тридцать девятый, наоборот, жутко сексуальный... Понимаешь?

Я кивнула. В каждой счастливой семье есть свои милые, скрытые от посторонних глаз секреты.

– Так вот, – продолжала Надя, – пусть тридцать девятый откроет дверь, ему посылочка пришла.

– А ты что?

– Открыла.

– С ума сошла!!!

– Господи, Лампа, ведь никто про нашу игру не знал, ни одна живая душа, сама понимаешь, о таком не рассказывают посторонним. Мне на секунду показалось: Богдан вернулся... Ну и...

– Посылка была?

– Под дверью стояла.

– Взяла?

Надя заплакала и ткнула пальцем под стул. Я наклонилась, вытащила коробку, подняла крышку и увидела два жутких обгорелых ботинка, шоколадку «Слава» и белый листок бумаги. «Милый, поросенок мой любименький, привет тебе от главного поросенка и поцелуй. Уж извини за почерк, но руки обожженные болят, вот и накорябал кое-как. Не тоскуй, десятого приду за тобой. Вот только обидно мне, что у всех тут красивые вещи, а я, словно бомж, в рваной обуви. Пришли

мне ботинки Гуччи, те, лакированные, которые я носил со смокингом. Они, если ты забыла, в гардеробной, на самом верху. Твой Богдан. P.S. Извини, тут можно достать только такой шоколад».

Коробка вывалилась у меня из рук, ботинки шлепнулись на пол.

– Боже!

Надюша зарыдала.

– Ну скажи, кто? Кто издевается? Зачем?

Я осторожно спросила:

– Почерк узнаешь?

– Очень на почерк Богдана похож, – всхлипнула подруга, – он так же «р» писал и «н»... Главное же, содержание. Такое письмо мог написать только мой муж, больше никто! Пойми, никто!

Я посмотрела на ее дергающееся лицо, трясущиеся руки, лихорадочно бегающие глаза, черные синяки под ними и решительно велела:

– Пошли в спальню.

– Мне ни за что не заснуть.

Но я уложила Надю в постель, дав ей две таблетки роде-дорма. Через пятнадцать минут до меня донеслось мерное, спокойное дыхание. Я выключила телефон и выдернула проводки у дверного звонка. Ладно, до утра Надюшку никто не побеспокоит, а там постараемся разобраться, что к чему.

Выспаться мне так и не удалось. Не успела я проскольз-

нуть в квартиру и лечь на кровать, как затрещал будильник. Я пошла было в комнату к Кирюшке, но тут мой нос уловил запах чего-то вкусного, жареного... Влетев на кухню, я увидела Капу со сковородкой в руках.

– Привет, – радостно выкрикнула она, – блинчики будешь?

– С чем? – ошарашенно спросила я.

– Есть с мясом, а эти пустые, можно вареньем полить или сметаной.

– У нас нет ни варенья, ни сметаны...

– Во, – ответила Капа, показывая на банки, – я клубничное купила.

– Где?

– На проспекте, в круглосуточном магазине.

Я уронила блинчик.

– Где?

– Ну в супермаркете, возле метро, – спокойно повторила Капа, – знаешь, такой огромный, серый дом, а внизу продуктами торгуют. Кстати, выбор хороший, дороговато, правда, но, если срочно чего нужно, очень удобно. Что молчишь? Ты туда не ходишь?

Хожу, естественно. Более того, только туда и бегаю, потому что, как правило, забываю купить продукты и несусь сломя голову в супермаркет.

– Капа, как же ты не побоялась ночью одна идти через дворик? Тут хоть и близко, но очень неприятно в темное время

суток.

– Чего бояться? – фыркнула Капа. – На машине ведь.

– На чем?

– На машине, – повторила Капа.

– Господи, – испугалась я, – бомбиста по ночам ловить! Ну придумала! Знаешь, какие люди по темноте из гаража выезжают! Да тебя могли изнасиловать!

Сказав последнюю фразу, я прикусила язык, ну уж это вряд ли, все-таки по московским улицам не бродят стаями геронтофилы. Так что с изнасилованием я явно погорячилась, а вот отнять кошелек или выдернуть из Капиных ушей симпатичные золотые сережки – это запросто.

– Закрыла стекла и поехала, – продолжала старушка, – люблю по ночам кататься, народу никого, парковаться легко.

В моей голове забрезжил рассвет.

– Погоди, ты сама за рулем?!

– Ну да, а что тебя так удивило?

«Нет, ничего, конечно, просто тебе небось стукнуло сто лет», – хотела было ответить я, но удержалась.

– Блинчики!!! – заорал вбежавший Кирюшка. – О-о-о...

Полный восторг выразили и все остальные члены семьи. Потом они бесконечно возвращались с первого этажа назад, хватали забытые портфели, ключи, сигареты... В восемь мы остались с Капой вдвоем.

– Гулять, – закричала я, тряся поводками.

Из всех комнат выскочили собаки. У каждой из них есть

свое любимое местечко. Рейчел обожает супружескую кровать Сережки и Юлечки. Сколько ни выпихивали ребята на пол шестидесятикилограммовую тушу терьерихи, та упорно возвращается на место. Причем действует крайне хитро. Сначала, пока муж с женой мирно читают книжки, Рейчел спокойно спит на коврике, затем, когда свет гаснет, она кладет на край софы морду, потом пододвигает ее поглубже... Затем втягивает на матрас одну лапу, другую, процесс идет медленно, но неотвратно. В конце концов Рейчел нагнет и ввинчивается между супругами. Устраивается стаффордширхика со всем возможным комфортом: морда на подушке, тело под одеялом. Один раз Сережа, не разобравшись спросонок, кто дышит ему в лицо, обнял Рейчел и ласково поцеловал в морду. Не ожидавшая от хозяина подобных нежностей, терьериха страстно облизала его в ответ. На крик, который издал парень, принесли сразу двое соседей: сверху и снизу.

Муля и Ада предпочитают спать со мной. Не скажу, что я в большом восторге от этого факта. Зимой еще ничего, я использую горячие, гладкошерстные тушки вместо грелок, а вот летом от них безумно жарко. Еще собаки имеют отвратительную привычку постоянно делить территорию, каждой охота устроиться в самом сладком местечке, возле шеи хозяйки. В пылу борьбы они садятся мне задом на лицо или забираются на голову.

Рамик ночует на кухне. Очевидно, психологи правы, впечатления, полученные в раннем детстве, самые стойкие. Наш

«дворянин» в младенчестве, пока мы не подобрали его, голодал, поэтому сейчас он решил не отходить далеко от того места, где раздают пищу.

Но что касается прогулки, тут вкусы у всех совпадают, поэтому сейчас четверка радостно скакала вокруг меня.

Нацепив на псов ошейники, я услышала странное шуршание. В коридор вышла Люся. Вараниха выжидательно поглядывала на меня.

– Капа! А с этой что, тоже гулять надо?

– Ага, она обожает по двору шастать, – донеслось из кухни, – только ботинки надень!

– Ты меня за дуру держишь? – обозлилась я.

Мало того, что Сережка, Юля, Кирюшка, Лизавета и Катя постоянно меня воспитывают, так теперь и Капа пытается заняться тем же. Ботинки надень! Она решила, что я без ценных указаний пойду на мартовский гололед босиком?

– Они в моей сумке, – закончила Капа.

– Что?

– Ботинки Люси, – ответила старушка, – шас принесу.

Через секунду она возникла в прихожей, держа в руках четыре тапки из ярко-красной кожи.

– Зашнуруй потуже, – посоветовала Капа.

Я присела на корточки и принялась впихивать лапы варана в баретки. Хорошо, что моя покойная мамочка не видит этой картины. Она бы скончалась на месте, узрев любимую дочурку, надевающую ботики на реликтовую ящерницу.

Наконец мы выползли во двор. Стая собак понеслась по дорожкам. Наш дом стоит в непосредственной близости от метро, и состояние двора до недавнего времени было ужасным. Чтобы пройти и подъехать к дому, следует миновать большую, темноватую даже днем, арку. Все лотошники, торгующие около входа в подземку, использовали ее вместо туалета. А бомжи облюбовали наши садовые скамейки. Впрочем, бродяги просто спали, а вот студенты из близлежащего института пили у нас под окнами горячительные напитки, горланили песни, матерились, начинали драться. Терпение жильцов лопнуло после того, как Анна Сергеевна из 12-й квартиры, наткнулась в подъезде на девушку, сдиравшую со стены почтовые ящики. Несчастливая хулиганка оказалась наркоманкой.

Мы собрались все вместе, обсудили создавшееся положение и... заперли двор. Теперь наступила иная жизнь. Вновь появились лавочки, детская площадка... наших собак жильцы знают и любят. Кое-кто из соседей приносит в дар им суповые кости. Псам нельзя давать отварные мослы, только сырые, но я всегда благодарю и принимаю подарки, пусть уж лучше угощают собак, чем злятся на них.

Муля и Ада ринулись к забору. Рейчел полетела к машинам, Рамик принялся жадно жевать снег. Мы с Люсей поползли по дорожкам. Иногда вараниха останавливалась и поглядывала на меня.

– Эй, Лампа, – крикнул Степан, наш сосед из 60-й квар-

тиры, – кто это у тебя?

– Люся.

– Ну приколы! Где взяла? Она живая?

– Да.

– Собака такая?

Видали когда-нибудь большего дурака?

– Нет.

– Кошка, что ли?

– Нет, – опять коротко ответила я, надеясь, что Степка отцепится, поняв мое нежелание трепаться с ним.

Но от него трудно было избавиться.

– Во, блин, каракатица, – заржал он, – что за монстр?

Я посмотрела на его приплюснутое лицо, глуповатые, выпученные глазки и спокойно объяснила:

– Знаешь, у нас жаба живет, Гертруда?

– Ну, – кивнул Степка, – пупырчатая такая, Кирюшка показывал.

– Так вот, два месяца тому назад выяснилось, что это на самом деле жаб, Герман.

– Бывает такое, – согласился сосед, – у меня тесть собачку купил на Птичке. Продавали за кобеля, а потом выяснилось, что она натуральная сучка.

– Знаешь, как мы узнали, что он жаб?

– Ну?

– Поймали его с Рейчел!

– Как?!

– Просто. Он ее... Ну, понимаешь?

Степка обалдело кивнул.

– Вот, – фальшиво вздохнула я, – теперь плод любви воспитываем.

– Ты хочешь сказать, – протянул Степка, – что у него отец жаба, а мать Рейчел?

Я кивнула:

– Именно. Новое слово в зоологии: жаботерьер.

Сообщив последнюю новость, я свистнула собак и пошла в подъезд. Люся с достоинством переступала лапами, обути-ми в красивые ботинки. На пороге я обернулась. Степан стоял разинув рот. Ну, если наш сосед такой дурак, что верит в жаботерьеров, то так ему и надо.

ГЛАВА 3

Я уже совсем было собралась на работу, когда раздался звонок.

– Лампуша, – пробормотала Надя, – пожалуйста, зайди ко мне.

На этот раз Надя встретила меня в брюках и свитере, лицо ее было тщательно отштукатурено, но припухшие красные веки объясняли без слов: хозяйка рыдала все утро.

– Что случилось? – с порога выкрикнула я и, не снимая ботинок, рванула в прихожую. – Что теперь?

Надюша головой указала на простую, черную, хозяйственную сумку, закрытую на «молнию».

– Где взяла? – поинтересовалась я.

– Пошла мусорное ведро вытряхивать, а она возле моей двери стояла.

– Ну ты даешь, – пробормотала я, разглядывая торбу. Вдруг там взрывчатка.

– Нет, – ответила Надя, – небось опять от Богдана... Только сама боюсь открыть...

Я резко рванула «молнию» и почувствовала запах гари. Внутри чернело нечто, грязное и отвратительное. Сдерживая ужас и брезгливость, я отволокла сумку в ванную и вытряхнула содержимое на пол. Из горла вырвался крик.

– Что там? – колотилась в закрытую дверь подруга. – От-

крой!

– Сейчас, – прохрипела я, оглядывая кучу обгорелых тряпок и белый лист бумаги.

Пиджак, брюки... на подкладке сохранился ярлычок «Хуго Босс».

– Надя, – крикнула я, – Богдан какую фирму любил? Костюмы где покупал?

– «Хуго Босс», – ответила из-за створки Надюша, – открой скорей.

Я быстро запихнула тряпки в сумку и развернула письмо. «Поросеночек мой славный, никогда бы не побеспокоил тебя, но очень уж обидно – вчера все собрались вечерком у Лени Глаголева поболтать, ребята в хороших костюмах, девочки в платьях, Катя Вишнякова в бархате, даже старуха Шершнева в новехоньком прикиде, а я, как бомж, в рванине... Будь добра, пришли мне приличную одежду, лучше всего черную пару, новую. Что же ты меня на тот свет таким уродом отправила. Твой Бубенчик-Богданчик. P.S. Сходи по адресу – Бубновская улица, 17, кв. 8, и передай. Только сегодня, завтра будет поздно».

Я быстро сунула бумагу к себе в карман, потом окинула взглядом ванную. У Надюшки все всегда в порядке, надеяться найти тут пустые бутылки даже не стоит... хотя...

Вытащив из шкафчика половую тряпку и бутылку «Аса», я положила их в сумку на самый верх и открыла дверь.

Надя боязливо всунула голову.

– Ну?

– На этот раз ошибочка вышла, – ощущая бешеное сердцебиение, заявила я, – вот смотри – половая тряпка и тетя Ася.

– Что это? – прошептала Надюша. – Зачем мне это подложили?

– Да не для тебя приготовили, – врала я, – небось уборщица пришла рано утром подъезд мыть, они всегда с последнего этажа вниз идут. Оставила сумку с тряпками и побежала за водой, а тут ты выползла. Представь, как бедная баба ругалась, обнаружив, что орудие труда сперли?

Слабая улыбка озарила лицо Надюши. Я перевела дух, кажется, она поверила.

– Лампочка, съезди со мной на кладбище, – попросила подруга.

Я кивнула.

– Только Федьке позвоню.

Федька – это моя начальница, носящая очень редкое для нынешних времен имя Федора. Ей принадлежит частное сыскное агентство «Шерлок», и я служу в нем начальником оперативно-следственного отдела. Только не надо думать, что Федька владеет огромным офисом из стекла и бетона, где по коридорам, устланном дорогим ковролином, ходят толпами вооруженные до зубов сотрудники, а в приемных роятся клиенты, записывающиеся в очередь.

Нет, все выглядит по-иному. Федора сидит в старом зда-

нии какого-то НИИ, сдавшего все свои помещения под офисы. В многоэтажном доме Федька занимает крохотную комнатушку. Чтобы попасть в «Шерлок», требуется изрядно поплутать по извилистым, кишкообразным коридорам. В оперативно-следственном отделе имеется единственный сотрудник, он же заведующий, и это я. А клиент случился у нас только один раз, в январе. Неизвестно почему, к нам явился мужик и попросил проследить за неверной супругой. Убедившись, что жена ему и впрямь изменяет, он заплатил нам пятьсот долларов и ушел. Больше работы не было. Мы с Федькой регулярно посылаем объявления в бесплатные газеты, типа «Из рук в руки», сидим безвылазно в офисе, но толку чуть. Честно говоря, у меня сильные сомнения по поводу перспектив нашего бизнеса, но Федора полна детского оптимизма. Она уверена, что следует подождать пару месяцев, и народ валом повалит в «Шерлок».

– Алло, – пропела Федька.

– Можно, я опоздаю? Подъеду к трем.

– Хорошо, что позвонила, – обрадовалась начальница, – тут клиент наметился.

– Мчусь в офис на всех парах.

– Как раз не надо, он настаивает на конфиденциальной встрече со мной. Естественно, потом все расскажу, но попозже, ладушки?

Надя не захотела садиться за руль своего «Фольксвагена», правда, мне предложила:

– Давай ты поведешь?

Но я не слишком уверенно управляюсь даже с «копейкой», поэтому ответила:

– Нет уж, сядем в мою.

На кладбище стояла, простите за глупый каламбур, могильная тишина. Что, в общем-то, понятно. День будний, народ в основном на работе. Надюша села на скамейку. Урну с прахом Богдана зарыли в землю, в могилу его родителей. Наде явно хотелось поплакать. Чтобы не смущать подругу, я пробормотала:

– Пройдусь немного. – И двинулась по аллейке, читая надгробные надписи на соседних могилах.

«Леонид Сергеевич Глаголев. 1942–2000. Спи спокойно – муж, сын и отец», «Екатерина Феокистовна Вишнякова. 1959–2001 год. Дорогой доченьке от безутешной мамы». Из груди вырвался невольных вздох. Глаголеву было всего пятьдесят восемь, а Вишняковой – и вовсе сорок два. Человек не должен так рано покидать землю. Вот Шершнева Евдокия Макаровна пожила всласть. Год рождения у нее 1903-й, а скончалась она в 2001-м. Пару лет не дотянула до ста. Вот это я понимаю, можно успеть переделать все земные дела и уйти на покой. Минуточку! От неожиданной мысли я похолодела. Глаголев, Вишнякова, Шершнева... Осторожно поглядев в сторону Нади и увидев, что она плачет, вытирая слезы платком, я осторожно вытащила из кармана джинсов листок, который прислал «Богдан». Ну, где эта фраза?.. «Вчера

все собрались у Лени Глаголева, поболтать, ребята в хороших костюмах, девочки в платьях, Катя Вишнякова в бархате, даже старуха Шершнева в новехоньком прикиде, а я, как бомж, в рванине...»

Чувствуя легкое головокружение, я вновь обозрела памятники. Ну ладно, шутничок, посмотрим, кто кого!

Довезя Надюшку до дома, я развернулась и понеслась в сторону Садового кольца. Последняя фраза письма гласила: «Сходи по адресу Бубновская улица, дом 17, квартира 8, и передай. Только сегодня, завтра будет поздно». Переполненная злобой, я донеслась до нужной улицы и вбежала в хорошо вымытый подъезд кирпичного дома.

– Вы к кому? – подняла от газеты голову женщина примерно моих лет.

– В восьмую, – рывкнула я.

Пусть попробует меня не пустить! Но консьержка неожиданно сочувственно сказала:

– Идите, идите, горе-то какое, господи!

Плохо понимая, что происходит, я взобралась на второй этаж и увидела открытую дверь квартиры. На вешалке громоздились шубы, пальто, дубленки. Я шагнула в прихожую и спросила:

– Хозяева дома?

Откуда-то сбоку вынырнула девушка в черном платье.

– Проходите, – сказала она, – Леночка в гостиной лежит, вот сюда...

Окончательно растерявшись, я послушно двинулась в указанном направлении и через секунду очутилась в квадратной комнате, обставленной дорогой, красивой мебелью. Наверное, здесь, как правило, уютно, но сегодня кресла и стулья тянулись вдоль стены, а посередине, на большом обеденном столе, покоился гроб. Внутри виднелось нечто, заваленное цветами. Я ухватилась за косяк. Не хватало только рухнуть от неожиданности в обморок.

В гостиной дурманяще пахло цветами, сердечными каплями и чем-то горьким. На стульях и креслах сидело много людей, в основном женщины. Одна рыдала, уткнувшись в платок, другие тихо переговаривались. Чувствуя себя крайне глупо, я стояла у двери. Самая толстая тетка, заметив мое смущение, сказала:

– Вы, наверное, из школы? Проститься пришли? Идите, идите к Леночке.

На мягких ногах я подбрела к гробу и увидела внутри маленькую, худенькую девочку. Желтоватое личико напоминало восковую куклу, на лбу лежала повязка с молитвой. Справа виднелась кукла Барби в роскошном розовом платье, слева – дневник.

Еле шевелясь, я выпала в коридор, доползла до кухни и спросила у девушки в черном платье:

– Господи, как же это, а? Такая маленькая.

– Под машину угодила, – пояснила девушка, – шла из школы, совершенно спокойно, на зеленый свет, а откуда ни

возьмись грузовик, за рулем пьяный. Леночка вмиг скончалась. Хорошо, хоть не мучилась и не поняла, что с ней случилось. Вы из школы? Я сестра Лены, Таня.

Не зная, как поступить, я кивнула, слова не шли из горла. Вид покойника не располагает к веселью. А уж если это маленькая девочка...

Таня продолжала рассказывать.

– Арестовали его, а что толку? Лену не вернуть, а у пьянчуги у самого трое по лавкам, жена прибежала, к маме в ноги кидалась... В общем, полный кошмар, и у нас горе горькое, и у них беда бедой, а все из-за водки! Похороны завтра, в десять утра на Митинском кладбище.

Сев в машину, я сначала бездумно стала включать радио, но потом, приняв решение, поехала к Соне Беловой.

Сонечка ясновидящая и предсказательница. Подружились мы с ней весьма странным образом. Я стояла как-то раз на остановке автобуса. Минуты текли и текли, а машины все не было. Было около десяти вечера, когда автобус наконец вырулил из-за поворота. Я обрадованно кинулась к ступенькам, торопясь добраться до метро. В тот день я ехала из гостей в чудесном, радостном настроении. Но не успела нога ступить на подножку, как красивая крупная блондинка оттащила меня от входа.

– Эй, эй, – обозлилась я, – ты чего?

– Не садись в него, – отрезала дама.

– С чего это? – завопила я. – Смотри, народу никого, пу-

стой до метро идет.

– Не надо, – качала головой незнакомка, держа меня за руки.

Меня поразили ее глаза, огромные, голубые-голубые, словно море без дна.

– Не надо, не входи туда.

– Да почему? – взвизгнула я, наблюдая, как совершенно пустой автобус медленно отходит от остановки. – Ну откуда ты взялась на мою голову! Столько времени прокуковала тут на холоде, теперь вновь ждать!

– Судьба тебе меня послала, – странно, одними губами, улыбнулась дама.

Глаза ее, став густо-синими, смотрели строго. Я попятилась. Вот уж повезло так повезло. Столкнулась вечером, в практически безлюдном, спальном районе с сумасшедшей.

– Не бойся, – опять усмехнулась тетка, – лучше ответь: тебя ведь в транспорте укачивает?

– Да.

– И потому всегда садишься в середине, у окна, справа?

– Да.

– Тогда смотри на автобус.

Я перевела взгляд на медленно ползущий «Икарус», хотела было поинтересоваться, какое отношение ко всему происходящему имеет моя привычка усаживаться на третьем ряду кресел, как вдруг из-за поворота на бешеной скорости вылетала бетономешалка. Огромный грузовик с большим, крутя-

щимся сзади резервуаром. Не успела я испугаться, как многотонная машина на полной скорости влетела в несчастный автобус. Тот сложился буквально пополам, «обняв» грузовик. Я села прямо на бордюрный камень. Нос бетономешалки протаранил «Икарус» как раз в том месте, где находится третий ряд кресел. Вернее, находился, потому что грузовик пробил бедолагу-автобус, нанизав тот на себя.

Водитель автобуса, совершенно целый и невредимый метался по улице, пытаясь монтировкой отжать дверь грузовика, чтобы вытащить виновника аварии. Когда это ему наконец удалось, стало ясно, что шофер пьян в дымину. Страшно подумать, какая судьба ждала меня, не послушай я тетку.

– Откуда ты знала? – залепетала я.

Дама вздохнула:

– Раз уж так вышло, давай знакомиться.

Вот с тех пор мы и дружим. У Сони имеется салон магии, где она ведет прием, причем работает не одна, а в компании восьми таких же предсказателей. Не знаю, как остальные, но Соня и впрямь видит нечто, ну вроде как тогда с автобусом. Хотя, если сказать честно, я до сих пор считаю, что просто произошло совпадение. Несмотря на наши дружеские отношения, я никогда не прошу ее мне погадать. Просто боюсь, вдруг она заложит «программу» и мне придется ее выполнять. Поэтому на профессиональной почве мы не общаемся. Соня, очевидно, догадывается о моих мыслях, поэтому, встречаясь, мы просто пьем кофе и болтаем о пустяках. Во

всяком случае, на работу я заявила к ней впервые.

Увидев меня, Соня вскинула брови:

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Скажи, как можно передать покойнику посылку?

Подруга не удивилась идиотскому вопросу и задала свой.

– Что попросил?

– Такое часто случается? – оторопела я.

– Достаточно, – кивнула ясновидящая, – похоронят, предположим, женщину в зеленом платке, а покойная хотела синий, вот и просит.

– Как?

– Сниться начинает и говорит о своем желании.

– А если не обратить внимание?

– Замучает, грозить начнет, безобразничать, лучше побыстрее отделаться.

– Но как?

– Просто. Найди дом, где должны состояться похороны, и положи в ноги покойнику «посылочку».

– Бред! Идиотство! – вскипела я.

Соня развела руками:

– Прости, но так всегда поступают.

– Кретинство!

Белова хмыкнула:

– Когда Попов изобрел радио, его объявили шарлатаном.

Какие такие волны в воздухе? Раз не видим, значит, их нет! Поверь, Лампа, параллельно с нашим, материальным миром

существует другой, незримый, но тоже реальный.

Но мне было некогда выслушивать идиотизмы, я быстрее гепарда неслась к выходу. Письма, обгорелая обувь и одежда, нет, это работа не духов, тут постарался человек, и я обязательно найду гадкого шутника.

ГЛАВА 4

Вечером в доме стояла почти тишина. Дети, получившие на ужин баранью ногу, наштигованную чесноком и морковью, съели столько вкусного мяса, что у них совершенно не хватило сил на хулиганство. Я забилась под одеяло и принялась так и эдак прокручивать в голове события последних дней.

Кто-то пытается убедить Надюшу, что Богдан шлет ей с того света вести. Ну и ну. Звонки по телефону... И как только подруга не сообразила, что ее дурят? Ладно я, с Богданом не общалась, голос его по телефону не слышала практически никогда. Но жена! Хотя, если вспомнить пiski и треск, несущиеся из трубки... Да и слова долетали словно с другой планеты.

Странно другое. Когда на девяти днях я случайно схватилась за трубку, незнакомец принял меня за Надю. Конечно, у нас, как у многих женщин, похожие голоса, в том смысле, что они не мужские. Неужели муж мог забыть сопрано супруги! Ну и чушь мне лезет в голову! Богдан давно мертв, номер набирал мерзкий шутник, ненавидящий Надю. За что?

Я не дружила тесно с Киселевой, вернее, никогда не была ее лучшей подругой, но в гости к Наде ходила довольно часто. Надюша – светлый человек, охотно помогающий людям. Она хороший педиатр и всегда пользуется детей знакомых, не

беря за это ни копейки. Богдан был более жестким, настоящий бизнесмен от медицины. Вот он всегда настаивал на оплате услуг. Дружба дружбой, а денежки врозь.

К слову сказать, очень многие наши общие приятели предпочитали ходить в клинику к Богдану. Он сумел собрать у себя великолепных специалистов и аппаратуру покупал самую навороченную. Даже в суперпрестижной Кремлевке не было такого томографа, как в клинике у Надиного мужа. Вообще-то лечебное заведение официально имело двух хозяев: Надю и Богдана. Но всеми хозяйственными и финансовыми делами заправлял супруг. Надюша только лечила детей. Боюсь, сейчас ей нелегко придется, наверное, наймет управляющего.

Я вздохнула и посмотрела на тумбочку. Каждый человек имеет право на маленький кайф, поэтому сейчас я открою новый детективчик незнакомого мне пока автора Елены Кочетковой и отдамся чтению. А чтобы стало совсем хорошо, без всяких угрызений совести поужинаю в кровати. Вот тут на тарелочке лежит пара кусков холодной баранины, хлеб...

Не успела я потянуться к еде, как дверь тихонько скрипнула.

– Входите, – вздохнула я.

Было наивно полагать, что мне дадут спокойно полежать. Небось Кирюшке или Лизе понадобилась музыкальная энциклопедия.

Скрип повторился.

– Ну чего вы там топчетесь? Давайте, давайте.

Странное дело, обычно они влетают с такой скоростью, словно в них воткнули батарейку «Дюраселл», а сегодня переминаются у входа.

Дверь распахнулась, и я увидела меланхоличную морду Люси. Вараниха напряженно смотрела на меня. Честно говоря, она меня пугала. Такая спокойная, молчаливая, травоядная... Но жуткая.

– Люсенька, – ласково пропела я, – входи, душенька.

В конце концов ящерица не виновата, что родилась уродиной.

Словно поняв мои слова, Люся втянулась в спальню и подбрела к кровати. Затем она положила морду на одеяло. Вид у животного был самый что ни на есть несчастный. Вараны тоже имеют душу, и Люся явно переживала, что Ванька, улетев на гастроли, отвез ее к чужим людям.

– Не беда, дорогая, – сказала я и, преодолевая оторопь, положила ладонь ей на спину.

Вопреки моим ожиданиям тело не было ни холодным, ни скользким, на ощупь оно напоминало кожаную сумку, ничего противного. Я принялась осторожно гладить Люсю. Вараниха затрясла кожей под подбородком, потом, приподнявшись, положила на диван две передние лапки. Вот оно как! Доброе слово и ящерице приятно.

– Лампа, – завопил Кирюшка, – беги сюда, скорей, скорей.

Испугавшись, что у мальчика случилась неприятность, я

опрометью скатилась с дивана и рванула в его комнату.

– Что? Что стряслось?

– Во, – ткнул пальцем в экран Кирка, – гляди, «Ментов» по каналу ТНТ гонят, будешь смотреть?

– Тьфу на тебя, перепугал! Думала, опять розетка загорелась!

– Так всегда, – обиделся Кирюшка, – хочу сделать приятное, а получаю выговор!

Но я уже раскаялась в сказанном.

– Извини, миленький, но я лучше почитаю.

– Дело хозяйское, – вздохнул Кирюшка, – просто ты всегда ворчишь, что мы «Ментов» мешаем смотреть! А тут такой случай!

Я погладила его по вихрастой голове. Кирилл увернулся. Он теперь не любит «бабских слюней», хочет казаться суровым мужчиной. Интересно, сколько лет пройдет, прежде чем он поймет, что настоящий представитель сильного пола должен быть ласков и приветлив? Впрочем, произойдет метаморфоза только в одном случае, если он добьется успеха в жизни. Реализованный мужчина никогда не станет привязываться к женщине с мелочными придирками. Нет, ему не надо ничего себе доказывать и повышать собственную самооценку, унижая других людей. Настоящий мужчина спокойно простит бабу, и в 99 случаях из ста не обратит внимания на несваренный суп. Просто съест бутерброд. А вот если ваш кавалер не представляет собой ничего особенного, ежели си-

дит на работе в самом углу, а во время дружеского застолья не знает чем похвастаться... Ох, не завидую я вам тогда. Голову дам на отсечение, что не будет от него житья жене и детям, он станет придирааться и «воспитывать» по каждому поводу. Странное дело, женщины отчего-то боятся связываться с импотентами и геями, но совершенно спокойно идут в загс с парнями, у которых явно выраженный комплекс неполноценности, я бы, как от чумы, бежала от последних, а геи – великолепные друзья...

Я доползла до дивана и обнаружила дивную картину. Люся спит на моем месте, по ее бокам устроились сладко похрапывающие мопсихи. На тарелочке белели два кусочка хлеба, баранина исчезла. Вне себя я шлепнула Мулю пуловером.

– Обжора, как не стыдно!

Мопсиха раскрыла глазки и обиженно уставилась на меня. Вся ее умильно складчатая морда словно говорила: «Ты чего, хозяйка? Сплю себе спокойно. За что?»

– Не прикидывайся овечкой, – кипела я, – знаю, знаю, кто слопал вкусную баранинку. Ада никогда не ворует, а Люся травоядная, ей сегодня на ужин капусту дали. Так что, кроме тебя, некому. А ветеринар, между прочим, велел посадить вас, сударыня, на низкокалорийную диету. Поскольку вы в ширину и в длину стали совершенно одинаковы.

Кипя от негодования, я попыталась лечь на место, но не тут-то было. Мопсы не хотели шевелиться. В конце концов мне удалось сдвинуть наглых собак, но тогда возникла сле-

дующая проблема. Люся не собиралась покидать уютное местечко, а я побоялась мешать варану. Неизвестно, как отреагирует ящерица, если потяну ее за хвост. Ложиться спать в обнимку с Люсей мне не слишком хотелось, поэтому пришлось идти в комнату для гостей и устроиваться там. Утихомирилась я около двух часов. Взбила подушку, потеплее завернулась в одеяло, вытянула ноги, сладко зевнула и... услышала телефонный звонок.

– Лампа, – пробормотала Надя, – спишь?

– Нет, нет, читаю, опять что-то стряслось?

В трубке стояла тишина, потом раздались рыдания.

– Сейчас приеду, – пообещала я и побрела одеваться.

Надя была на этот раз не в халате, а в свитере и джинсах.

– Опять звонили? – спросила я, снимая сапоги.

– Нет, – прошелестела Надя, нервно ломая пальцы. – Хуже!

– Что еще?

– Богдан приходил.

Я выронила сапог.

– Как?

Надя, трясясь в ознобе, тыкала рукой в сторону балкона:

– Там, там...

Не сняв второй сапог, я вылетела на лоджию. Никого.

– Тут пусто, успокойся.

Надя покачала головой:

– Он внизу стоял.

– Где?

– У гаражей.

– Ты ничего не перепутала?

– Сначала зазвонил телефон, – начала Надя.

Подруга сняла трубку и услышала далекий-далекий голос, долетавший сквозь треск и писк.

– Надюша, я же просил костюм. Неужели трудно выполнить такую простую просьбу? Леночка приехала, а никакой посылки нет. Не ожидал от тебя.

– Послушай, – взвилась я, – ты что, не поняла? Кто-то просто издевается. Голос-то не Богдана.

– Не знаю я ничего, – заплакала Надя, – вообще ничего не сообразила. Слышно было плохо, просто отвратительно. Какой костюм? Что за Леночка?

Я прикусила язык. Совсем забыла, что соврала Наде и не рассказала ни про брюки с пиджаком, лежавшие в сумке, ни про визит к маленькой покойнице...

Надя тем временем продолжала:

– Ну, а потом он шепнул: «Иди на балкон, я тебе покажусь».

Загипнотизированная, словно кролик перед удавом, Надюша вышла на лоджию и услышала тихое:

– Эгей!

Возле гаража-ракушки стоял Богдан, одетый в костюм и белую сорочку. Галстук Надюша не разглядела. Супруг поднял руку.

– Скоро встретимся, 10 марта.

– А дальше что? – обалдело спросила я.

– В обморок я упала, – поморщилась Надя, – со всей силы затылком о ящичек с картошкой ударилась, болит жуть. А когда пришла в себя, все, никого нет.

– Это глюки!

– Нет, я видела очень ясно Богдана, прямо как тебя.

Я закусила нижнюю губу. Дело плохо, пахнет психиатрической клиникой, еще пара таких звонков, и у Нади съедет крыша. Что за дрянь развлекается подобным образом? От лоджии до гаражей довольно далеко. Надюша живет на последнем этаже. Некто, одетый в темный костюм, запросто мог сойти за Богдана. Муж Нади был интересным мужчиной, но не атлет. Размер одежды, наверное, 50–52, нормальное телосложение, ничего бросающегося в глаза... И потом, ну как она могла разглядеть его? На дворе ночь.

– Под фонарем он стоял, – пояснила Надя, – видишь, как около гаражей светло. Владельцы специально прожектор повесили, чтобы воров отвадить. Нет, это Богдан приходил.

И она вновь затряслась в рыданиях. Я понеслась на кухню за валокордином. Но, увидев рюмку с остропахнувшей жидкостью, подруга покачала головой:

– Лампуша, я жутко боюсь.

– Чего? Пей давай.

– Сегодня десятое марта.

– Девятое.

– Десятое, – показала Надя на часы, – уже за полночь, и наступил новый день. Вдруг и правда он за мной придет?

– Глупости! Лучше подумай, кто из врагов может тебя доводить до инфаркта.

– У меня нет недругов, – уверенно заявила Надя.

Я поставила рюмку на столик. Надюша, святая простота, искренне считает, что в дом к ней приходят лишь благожелательно настроенные люди, хотя я могу назвать парочку заклятых подруг – та же Анюта Шахова, которые пили у Киселевой кофе, а потом сплетничали о ней же. А в клинике небось есть медсестры, другие врачихи, завидующие Наде. Ведь Богдан кого-то увольнял... Нет, нельзя быть такой наивной, считая всех вокруг друзьями.

– Хотя, – неожиданно прибавила Надя, – мы ведь с тобой особо не дружили, а ты сразу прибежала на зов.

– Мы знакомы всю жизнь, – пожала я плечами. – Наши родители получили квартиры на одном этаже, когда нас еще и в проекте не было. Ты помнишь то время, когда мы были незнакомы?

– Но ведь не дружили, – упорствовала Надюша, – просто поддерживали хорошие отношения, ходили в гости на дни рождения, но особой близости не было, тайнами мы не делились.

– Почему же ты мне позвонила в первый раз? – тихо спросила я.

Надюша грустно улыбнулась:

– Сначала я номер Анюты Шаховой набрала, она-то самая близкая была... Все про меня знала, а я про нее... Только Аня мой голос услышала и заявила: «Извини, сейчас не могу, завтра вечером приеду», а ты мигом примчалась.

Я только вздохнула. То, что Аня Шахова не слишком долюбливает Надю, видно всем невооруженным глазом. Только такой крайне незлобивый человек, как Киселева, мог считать ее лучшей подругой.

Я неожиданно вспомнила, как довольно давно, только начав карьеру педиатра, Надя стала обрастать частной клиентурой. Доктор она, как говорится, волею божьей. Маленькие пациенты ее обожают, но, что важнее, Надежда любит своих больных. Согласитесь, это не такое уж распространенное качество для врача. И еще. Она изумительный диагност. Так вот, несколько раз с Киселевой происходили такие истории. Визит частнопрактикующего врача стоил по тем далеким временам пять рублей. Часто случалось, что Наде приходилось посещать одного и того же больного несколько раз. Во многих домах с ней расплачивались сразу, протягивая синенькую пятерку, в других – только после завершения «цикла». Но была и третья категория пациентов, которые говорили, разводя руками:

– Простите, доктор, мы люди бедные, хотелось вам заплатить, да нечем.

Хотя Надя сразу объясняла, что она занимается частной практикой. Натолкнувшись на обман, она всегда по-детски

изумлялась и находила для нечестных людей оправдательные мотивы. Надя вообще думает о человечестве хорошо. Ей принадлежит гениальная фраза: «Конечно, Чикатило негодяй и мерзавец, заслуживающий суровое наказание, но, наверное, в детстве его никто не любил». Даже для серийного маньяка она нашла оправдание.

– Валокордин мне не поможет, – пробормотала Надя, – знаешь, я хочу проспать все десятое марта, провести в наркозе, в амнезии.

– Ну прими... Не знаю что! Кто из нас доктор?

– Меня совершенно сносит пипольфен, – пояснила подруга, – съесть бы две таблеточки, и все, двадцать четыре часа без рефлексов.

– За чем дело стало? Где он? В аптечке?

– Я пипольфен дома не держу.

– Почему? Раз так хорошо действует?

Надюша хмыкнула:

– Пипольфен – антигистаминный препарат.

– Какой?

– Против аллергии, из этой же серии супрастин, диазолин, тавегил... Словом, подобных лекарств много. У меня на пипольфен парадоксальная реакция. Человек не должен, проглотив пилюлю от крапивницы, дрыхнуть сутки. Поэтому у нас только супрастин, он не вызывал у меня сонливости, понимаешь?

Я кивнула.

– А сейчас, думается, пипольфен не помешает, только где его взять?

– Хочешь, на проспект сметаюсь? Там аптека круглосуточная.

– Лампа, пожалуйста, вот деньги.

– Да ладно, – отмахнулась я, – у самой есть. Только ты отключи телефон, задерни шторы и дверь никому не открывай, даже не подходи к ней.

– Тогда ключи возьми, – предложила Надя, – а я в ванной запрусь.

Я вышла на улицу и покатила в аптеку. Циферблат показывал три часа ночи... Или это время уже принято называть утром? Но, несмотря на то, что всем людям сейчас положено спать, в аптеке оказалось полно народу. Покупали какую-то ерунду. Стоящий передо мной мужик попросил витамины. Они понадобились ему именно в это время. Ну ладно нитроглицерин, валокордин или спрей от астмы. Понятно, почему ночью прибежали за жаропонижающим для ребенка, но «Витрум»? Да уж, на свете полно чудачков.

Получив упаковку с голубыми пилюлями, я добралась назад, поднялась наверх, отперла дверь и крикнула:

– Доставка лекарств на дом, получите пипольфен!

В ответ ни звука. В квартире пахло чем-то сладким, словно тут недавно пекли пироги. В воздухе витал аромат ванили. Я добралась до ванной и постучала в створку. Полнейшая тишина. Внутри небольшой комнаты было пусто. На стек-

лянной полочке в изумительном порядке замерли флаконы и пузырьки, полотенца оказались сухими. Похоже, тут никто не мылся.

Внезапно мне стало страшно, даже жутко, по полу гулял сквозняк, ноги мигом замерзли. Чувствуя себя как ребенок, забредший в полночь на кладбище, я рванула дверь Надиной спальни. Никого. Кровать не разбирали. Комната идеально прибрана, словно хозяйка не заглядывала сюда пару дней. Ощущая, как липкий ужас поднимается от ног к сердцу, я пошла по коридору, заглядывая во все помещения. Кабинет Богдана, его спальня, кухня... Дом будто вымер. Последней по коридору была гостиная.

Я влетела в нее и затряслась: балкон раскрыт настежь, мартовский ледяной ветер треплет занавески. Несмотря на то, что по календарю пришла весна, погода больше напоминает зимнюю. Желто-красные шторы развевались, как флаги. Обычно их придерживают витые, шелковые шнуры, но сейчас кисти болтались у стены, мерно покачиваясь. «Ш-ш-ш» – шелестели занавески, «тук-тук-тук» – отзывались шнуры с кистями, ударяясь о красивые обои, – «тук-тук-тук». Я шла к открытому балкону, словно проваливаясь в зыбучий песок, каждая нога весила по сто килограммов. Ноги не подчинялись мне, колени подламывались. Наконец я оказалась на лоджии, уцепилась трясущимися пальцами за край перил и сказала себе: «Не смотри вниз».

Но глаза уже помимо воли глянули на снег под балконом.

Надя не соврала. Автовладельцы повесили возле гаражей великолепный фонарь, просто прожектор. И в его ярком, каком-то неестественно белом свете была видна тоненькая фигурка в пуловере и брюках, лежащая лицом вниз. Казалось, Надюша хочет обнять клумбу, на которую упало ее тело. Руки широко раскинуты в разные стороны, левая нога прямая, правая согнута в колене, а вокруг шеи расплылось темно-вишневое пятно.

ГЛАВА 5

Собрав в кулак всю силу воли, я вернулась в гостиную и посмотрела на стол. Пусто. Надя не оставила никакого письма или записки. Я взялась за телефон.

Один из наших лучших с Катюшей друзей, Володя Костин, служит в МВД. Я настолько не любопытна, что даже не знаю, какой пост он занимает, только могу назвать звание: майор. Существующие между нами отношения скорей родственные, чем дружеские. Вовка – холостяк, женщины несутся через его квартиру хороводом. Несколько раз мы с Катей пытались его женить, потом бросили сие неблагодарное занятие. Имен его любовниц мы запомнить не успеваем.

– Ты сам в них не путаешься? – не утерпела один раз Юля. – Просто Казанова! Вчера Таня, сегодня Маня, завтра Аня небось будет! Не боишься имя не так назвать?

Вовка хихикнул:

– Я их не по именам зову.

– А как? – заинтересовался Кирюшка.

– Киска, – заржал Вовка, – всех называю просто: Киска, имя можно и не запоминать. Кстати, и тебе советую, когда вырастешь, придумать своим бабам псевдоним. Зайчик, рыбка, ягодка. Они такое обращение обожают, прямо тащатся, нет бы прикинуть, отчего кавалер упорно имя не называет... Но до них не доходит, умора прямо.

– Не смей учить ребенка глупостям, – подскочила Юлечка, – не слушай его, Кирюшка!

Кирилл опустил лицо вниз и сделал вид, что жутко занят макаронами, но его глаза весело блестели.

Живет Вовка рядом с нами, дверь в дверь на одной лестничной клетке, и вот теперь я терзала телефонный аппарат.

Трубку сняли на двадцатый гудок.

– Алло, – прочирикал приятный голосок.

Понятно, очередная киска.

– Позовите Володю.

– Он спит, – с легкой укоризной ответила девица.

– Разбудите.

– А кто, собственно говоря, звонит? – пошла в атаку киска.

Теперь в ее голосе слышались недовольство и ревность. Но у меня имеется в запасе аргумент, способный сразить кошечку наповал.

– Майор Романова из убойного отдела.

В трубке послышался шорох и слова:

– Заинька, проснись! Ну зайчик!

На месте Вовки я бы насторожилась. С чего бы это любовница зовет его, словно он симпатичное длинноухое? Не иначе как тоже боится запутаться в именах любовников!

– Ну! – рявкнул приятель. – Чего еще? Ты на часы смотрела?

– Вова, – тихо сказала я, – Вовочка, тут под балконом ле-

жит труп Нади Киселевой.

Надо отдать должное Костину, проснулся он мгновенно.

– Под каким балконом, адрес!

Спустя час по чистоубранной квартире совершенно спокойно, в грязных ботинках разгуливали мужчины. Володя безостановочно зевал, записывая мои показания. Потом он спросил:

– Ну хорошо, по-твоему, ее кто-то пугал...

– Не по-моему, а точно! И не пугал, а планомерно издевался, может быть, даже доводил до самоубийства...

– Ладно, – согласился майор, – предположим, но где доказательства?

– А что, разве не хватает моих слов?

– Оно так, конечно, – вздохнул Володя, – но вот ты тут столь вдохновенно рассказывала о телефонных звонках. Понимаю, что их к делу не подошьешь, но телеграмма? Может, сохранилась? Я пожала плечами:

– Зачем она тебе?

Володя присвистнул:

– Вот ты, Лампудель, обчиталась детективов и решила, что в расследовании нет ничего сложного, побегала, поболтала и все... Ан нет! Что такое, на твой взгляд, телеграмма?

– Ну бумажка со словами.

Костин сморщился:

– Бумажка со словами! Это документ. Если его внимательно изучить, можно многое узнать.

– Что, например?

– Номер почтового отделения и время, когда отправили весточку.

– Зачем?

Володя вздохнул:

– Эх ты, мисс Марпл. Да чтобы пойти туда и порасспрашивать служащих. Каждый, кто подает телеграмму, обязан указать свой обратный адрес.

– Ха, можно любой написать.

– Верно, – пробормотал майор, – можно, но все равно ни-точка есть. Или вот, ты говорила про костюм «Хуго Босс» и обгорелые ботинки... Где эти вещи?

– Ну ботинки Надя, наверное, выбросила...

– А сумку с костюмом куда дели?

– Я же попыталась убедить вдову, что там тряпки и бутылка «Аса», якобы забытые уборщицей... Ну и сделала вид, будто несу в домоуправление.

– А на самом деле?

– Выбросила на помойку.

– Когда?

– Вчера.

Костин почесал в затылке:

– Похоже, проехали мимо, но попытаться стоит. Эй, Мишка.

Мишка всунулся в комнату.

– Сходи во двор, пошарь в бачках. Ну-ка опиши ему сум-

ку...

– Черная, матерчатая, с двумя ручками, спереди карман на «молнии». Такие возле каждой станции метро продают.

– Когда выбросила? – с тоской спросил Мишка.

– Вчера, утром.

– Так уж увезли, – оживился Миша, – мусор всегда до восьми забирают.

– Иди, иди, – поторопил его Володя, – вдруг повезет. А ты, Лампудель, езжай домой, баиньки.

– Но...

– В машину и к себе.

– Ты...

– Ступай!

– Да...

– Разворот через плечо, – рявкнул майор, – и шагом марш.

Кипя от негодования, я вылетела на улицу. Потом обошла дом и прошла во двор. Тело Надюши увезли, и только свежая земля, которую дворник набросал, чтобы скрыть лужу крови, напоминала о произошедшей трагедии. Я задрала голову вверх. Господи, как высоко. Неужели она сама, преодолев страх, шагнула через бортик лоджии? Что толкнуло ее на этот шаг? Или кто?

Я медленно подошла к «ракушкам» и стала под фонарем. Примерно здесь или чуть левее стоял «Богдан». Нет, вот тут, похоже. Я наклонилась и подняла необычный белый фильтр. В нос ударил запах ванили. Отвратительные сигарки «Ка-

фе крим», их употребляют в основном дамы, но есть и мужчины, покупающие плоские железные коробочки. Впрочем, фирма выпускает еще и другие сорта сигарок, маленькие, тонкие. Это не гаванские сигары, толстые и мощные. Единственно, что объединяет два вида курева, так это цвет – нежно-коричневый, так выглядит кусочек молочного шоколада. Мало найдется парней, способных получать наслаждение от «Кафе крим», слишком уж сладкий, приторный аромат. Но Богдан любил именно такие, я это знаю точно. В ноябре Надя позвала меня на день рождения к мужу. Естественно, встала проблема с подарком. Ну что можно презентовать человеку, у которого и так все есть, тем более что супердорогие подарки мне не по карману. Всяческие авторучки, зажигалки и брючные ремни стоимостью, как стратегический бомбардировщик, я приобрести не могу.

– На Тверской в галерее «Актер» есть магазин «Музей табака», – посоветовала Надя, – купи ему упаковку «Кафе крим».

Я поехала по указанному адресу и приобрела омерзительно дорогую, на мой взгляд, сувенирную упаковку, где лежало пятьдесят сигарок. Продавцы, правда, старательно пытались убедить меня, что коробка со ста трубочками для курения выглядит шикарнее, но я не дрогнула. Богдан был страшно доволен, тут же распечатал подарок и предложил собравшимся угоститься. Но все присутствующие, мужчины и женщины, разом замотали головами.

– Много вы понимаете в колбасных обрезках, – ответил Богдан, – ну, спасибо, Лампа, удружила.

Я молча рассматривала окурок. Ей-богу, еще пять минут, и я поверю, что Надин муж приходил сюда.

Детей дома я не застала. Лиза и Кирюшка убежали в школу. На кухне паслись Сережка с Юлечкой, азартно уничтожавшие сырники.

– Ну ты даешь, – протянул парень, – мы чуть было не проспали! Хорошо, Капа сообразила и всех разбудила, что за безответственность, Ламповецкий!

Я напряглась, ожидая вопроса: «Где шлялась ночью?», но Сережка как ни в чем не бывало продолжил:

– Хорошо, Капа заглянула в спальню, увидела, что ты дрыхнешь без задних ног, и пошла всех расталкивать.

От неожиданности я уронила сырник. К нему моментально бросились Муля и Люся. Неповоротливая вараниха отстала от мопсика, которая при виде любой еды проявляет чудеса ловкости. Мулечка уже почти подскочила к замечательно пахнущему сырнику, но тут Люся открыла пасть, откуда со скоростью пули вылетел язык. Сырник мигом «приклеился» к длинной, узкой ленточке. Щелк! Сладкий кусочек исчез внутри варанихи. Мопсика вытаращила глаза, такого с ней еще ни разу в жизни не случилось.

Но мне было не до изумленной собачки. Капа заглянула в спальню и увидела, что я сплю? Ну и ну. Во-первых, я пе-

ребралась в комнату для гостей, а во-вторых, провела почти всю ночь у Нади.

Правильно поняв мое удивление, Капа отвернулась от плиты и подмигнула ярко покрашенным глазом. Сережка, как все мужчины, увлеченный только собой, продолжал негодовать. Дождавшись, когда он наконец убежит на работу, я спросила:

– Капа? Это как понимать?

Пожилая дама лихо швырнула на раздраженно скворчащую сковородку кусочек творога и сообщила:

– Танцуй, пока молодая. Сама люблю веселиться, только, к сожалению, все мои кавалеры старые кучи, только и говорят, что о болячках.

– Но я...

– Ладно, – отмахнулась Капа, – сегодня я тебя выручила, завтра ты меня прикроешь, лады?

Я ошарашенно кивнула.

– Время свободное есть? – бодро осведомилась бабушка.

– Мне к двенадцати на службу.

– Ну, успеем, собирайся.

– Куда?

– В «Рамстор», надо затариться.

Если есть вещь, способная привести меня в настоящий ужас, так это поход за продуктами в огромный магазин.

– Может, не надо, а? Пельменями обойдемся.

– Отрава!

– Мы всегда...

– Иди за сумками.

– Пельмени...

– У них начинка из собачатины, – сообщила Капа, – ты готова схарчить на ужин несчастную болонку, в недобрый час потерявшую хозяев?

– Нет.

– Тогда вперед.

Во дворе я направилась было к «копейке», но Капа мигом вскочила в серую «Нексию» и крикнула:

– Ну, жду.

Пришлось сесть на пассажирское место. Капа ловко ухватилась за рычаг переключения скорости и стартовала, подняв фонтан грязных брызг.

– Не бойсь, Лампа, – азартно выкрикнула она, – за десять минут обернемся.

Я вжалась в кресло и в ужасе уставилась на дорогу. Капа неслась, словно ведьма на помеле, ловко перепрыгивая из ряда в ряд. Чуть где образовывался затор, она, мигом сориентировавшись, бросала «Нексию» в объезд. Повороты бабулька проходила на третьей скорости, а стрелка спидометра замерла на цифре «90».

Я вожу автомобиль очень осторожно, судорожно вздрагивая, если из окружающего потока выскакивает сломя голову лихач. Но Капа, похоже, не боялась никого. В какой-то момент она протиснулась в узенькую щель между двумя ино-

марками, и мне показалось, что боковые зеркала сейчас могут сломаться, но Капа хихикнула и нажала на газ. Впереди вырос громадный грузовик. «Мама», – прошептала я и дернула правой ногой, нашаривая тормоз.

– Не бойсь, – веселилась старушка, ловко сворачивая влево, – у меня за пятьдесят лет на дороге ни одной аварии.

– Ты классно водишь, – прошептала я пересохшими губами, – прямо Шумахер.

– Он мне в подметки не годится, – возмущенно заявила Капа, – на трассе, в специально оборудованном автомобиле любой дурак проедет. Попробовал бы он в городе, да на «Нексии», вот тогда и поглядим кто кого. Впрочем, и так ясно, что я его!

Над ухом раздалась трель свистка. Капа послушно притормозила. Молодой гаишник недовольно заявил:

– Девушка, там знак висит, ограничивающий скорость, а вы гоните...

Капа смахнула с лица волосы.

– Ой, – оторопел постовой.

Старушка прищурилась:

– Что-нибудь не так? Или вас блоха укусила? Вот мои права и техпаспорт.

Паренек взял бумаги и произнес опять:

– Ой!

– В чем дело?

– Но тут написано, что вы родились в 1925 году.

– И что из этого? – Ошибочка, да? – с надеждой поинтересовался сержант.

– Нет, – с достоинством ответила Капа. – Мне семьдесят шесть лет.

– И за рулем? – ужаснулся мальчишка, явно впервые столкнувшийся с подобным нарушителем.

– А ну, быстро покажите мне в правилах дорожного движения пункт, запрещающий садиться за руль людям, которые справили семидесятилетие! – окрысилась Капа.

От неожиданности постовой брякнул:

– Просто никому в голову не приходит.

– А мне пришло, – сообщила Капа.

– Проезжайте, – велел постовой.

– А штраф? – возмутилась Капа.

– Не надо, ехайте.

– Я же нарушила!

– Ерунда.

– Нет, берите, – уперлась старушка, – что, мои деньги тухлые?

Отъехав несколько метров, Капа возмущенно фыркнула:

– Видала дурака? По его мнению, мне следовало давно улечься в гроб и накрыться крышкой.

Я промолчала. А что тут сказать?

Домой мы приехали около одиннадцати утра. У подъезда стояла «Скорая помощь». Сердце тревожно екнуло, но не успела я сообразить, что в нашей квартире никого нет, все

разлетелись по делам, как из подъезда показались трое мужиков, одетых в ярко-синие куртки. Двое тащили носилки, последний шел сбоку, держа в высоко поднятой руке капельницу.

– Плохо кому-то совсем, – вздохнула Капа, щелкая крышкой багажника, – мужик вроде.

Тут доктора поравнялись со мной, и я увидела бледного до синевы Володю.

– Вовка, – ринулась я к нему.

Но майор не отвечал. Глаза его были закрыты, губы потеряли всякий цвет.

– Что с ним? – накинулась я на мужика с капельницей.

– Пельмени, – коротко ответил тот.

– Что?

– Пельменей поел часиков в девять, – словоохотливо подхватил санитар, – и каюк.

Парни ловко вдвинули носилки в «рафик», и микроавтобус бойко стартовал с места. Забыв про сумки с продуктами, я рванулась в квартиру к Костину. Дверь открыла заплаканная девица, облаченная в Вовкину футболку. Везде остро пахло лекарствами и чем-то мерзким. Господи, как же зовут нынешнюю обоже майора? Какое-то простое имя: Лена, Катя, Галя... Нет, не вспомнить.

– Ты Киска?

Девушка кивнула.

– Что с Вовкой?

– Утром, – всхлипывала Киска, – он явился рано-рано, около восьми и попросил поесть. Я ему тостик мармеладом намазала, а он сказал, что я могу этот бутерброд себе на... Сказать куда, наклеить?

– Не надо, – быстро среагировала я, – очень хорошо понимаю, куда Костин тебя с хлебом, намазанным вареньем, отправил. Для него лучшая конфета – сосиска. Ну и дальше что? – Пошел на проспект в супермаркет, приволок пельмени, сам отварил и слопал. Он меня совсем не любит, – заломила руки Киска.

– Он терпеть не может джем, – объяснила я, – не канючь, а рассказывай.

– Ему плохо потом стало, затошнило. Сначала маялся, все в туалет бегал, ну а затем совсем слег. Ой, ой, ой, вдруг он умрет.

– Прекрати чушь нести, – обозлилась я, – лучшей узнай, куда мужика отправили, да беги туда. Или на работу надо?

Киска затрясла крашеными кудрями:

– Я сама себе хозяйка, художница.

– Значит, дуй в клинику. Если понадобится, позвони в соседнюю квартиру.

Киска закивала, я пошла к себе.

– Простите, – робко окликнула меня девушка, – Володя говорил, что рядом живут его родственники, только не сказал кто. Вы его мама?

Вне себя от злости я вылетела на лестницу. Видали иди-

отку? Да мы с Костиным одногодки!

ГЛАВА 6

Влетев в квартиру, я позвонила Мишке.

– Да, – усталым голосом ответил тот.

– Мишенька, – заюлила я. – Вовка отравился пельменями, в больницу отвезли.

– Знаю, – буркнул коллега, тоже майор. – Ирка звонила.

– Кто?

– Киска очередная.

Ага, значит, ее зовут Ириной.

– Мишенька, могу приехать!

– Зачем? – испугался мужик.

– Как же? По поводу происшествия с Надей Киселевой.

– Не надо.

– Почему?

– Послушай, Лампа, – пробормотал Мишка, – экспертиза ясно показала: Киселева погибла, упав с большой высоты.

– Ее столкнули.

– Нет, она сама шагнула.

– Откуда ты знаешь?

– Ей-богу, недосуг объяснять, просто поверь, ничего криминального, обычное самоубийство.

– Значит, Надю довели до суицида, по-моему, даже статья такая есть в кодексе.

– Она тут ни при чем!

– Миша!

– Я почти сорок лет Миша, – рявкнул майор, – дел по горло висит, а теперь еще Вовкины папки разгрести придется. Нашел, когда травиться. Вот взял бы отпуск и лопал пельмени от пуза. Теперь сам в больнице, а работу мне! Ловко вышло. А ты в другой раз, когда труп найдешь, звони не Вовке, а в район, сделай милость. Без тебя дел невпроворот. Надежда Киселева сама приняла решение уйти из жизни, сама прыгнула. Крэкс, фэкс, пэкс, была девочка, стала трупиком. Ничего особенного. Загляни в сводку по городу, каждый день такие в наличии: вешаются, травятся, стреляются, из окон сигают! Хорош болтать.

И он шлепнул трубку. Я в задумчивости выглянула в окно. Позиция Мишки понятна. Он имеет в производстве с десятков дел, на каждое из которых определен срок сдачи. Лишняя головная боль господину Ларионову ни к чему, поэтому он постарается всеми правдами и неправдами избавиться от дополнительной докуки. Вот Вовка, тот не такой, Костин, словно охотничья собака, хватает след сразу. Но майор выбыл на какое-то время из игры. Небось проболует неделю, если не больше. И что получится?

Выйдет Вовка из больницы, возьмется за свои дела и обнаружит, что хитрый Ларионов уже списал папочку в архив. Естественно, Володя возмутится, он не первый раз ругается с ленивым Мишкой, только время будет безвозвратно утеряно.

Я открыла форточку и поежилась от ледяного воздуха. Как правило, Костин помогал нам, теперь настал мой черед. Займусь расследованием сама, зря, что ли, занимаю пост начальника оперативно-следственного отдела, соберу факты, систематизирую... Костин часто говорит:

– Преступление хорошо раскрывать по горячим следам. Вот выпишется Вовка, а я ему на стол папочку!

Воодушевленная до крайности, я полетела во двор. Поеду на работу, сообщу Федоре о том, что нашла клиента. Правда, не ясно, кто оплатит мне работу по делу Киселевой... Ладно, черт с ними, с деньгами. «Не догоню, так согреюсь», – говорит петух, преследуя курицу. Вот и я не заработаю, зато получу наконец интересное занятие. Господь явно предназначил меня для детективных расследований.

Убедившись, что Капа, весело напевая, возится на кухне, я схватила куртку и выскочила на улицу. Первым делом съезжу к Анюте Шаховой, уж она-то точно знает, кто и почему ненавидел Надюшу. На улице гололед, поэтому сяду в метро. Анюта целыми днями толчется дома. Объясняется сей факт просто: она переводчица, причем хорошая. Переводит серьезные, толстые книги по психологии, философии, социологии. Я всегда ей завидовала, видя, с какой легкостью Анюта переходит на немецкую речь. Мне так и не удалось выучить как следует хоть один язык, все детство провела в обнимку с арфой. Сначала была музыкальная школа, потом консерватория. Моя мама, оперная певица, считала, что дает

дочке в руки стабильную, очень хорошую профессию. Никто ведь не знал, что грянет перестройка и симфонические оркестры станут практически не нужны.

Вот почему я теперь настаиваю, чтобы Лиза и Кирюшка вызубрили как следует английский. Знание языка – это кусок хлеба с маслом, часто с сыром, а иногда даже с икрой. Мало ли, как жизнь повернется, всегда можно пойти репетировать двоечников. Но Аняте нет необходимости носиться, роняя тапки, по квартирам тупоголовых деток. Она дорогой гость в издательствах, выпускающих научную литературу. Люди, занимающиеся переводом, живо объяснят вам, что человек, «перетолковывающий» прозу, и индивидуум, занимающийся научной литературой, – это разные люди. Фразу «Оголенный проводник пролегает под полом», «литературные» переводчики мигом переведут как «Голый кондуктор бежит под вагоном». И так во всем, поэтому Ньюшу, спокойно говорящую на научном суахили, холят и лелеют. Меня всегда удивляло, как в одном человеке одновременно уживаются хамство, беспардонность, ум и отличное владение иностранным языком. Потому что Шахову можно назвать нахалкой, а вот идиоткой нет.

– Это ты, – разочарованно протянула Аня, открыв дверь.

– Ждешь кого-нибудь? – бодро поинтересовалась я, делая вид, что не вижу ее кислой мины.

– Нет, – пробубнила Аня и со свойственной ей хамской откровенностью добавила: – Тебя тоже не ожидала.

– Значит, это сюрприз, – подвела я итог и, не дожидаясь приглашения, пошла на кухню.

Пришлось Аньке, скривившись, доставать из шкафчика кофе, а из холодильника кусок сыра.

– Уж извини, – пробубнила она, – конфет нету.

– И не надо. – Худеешь? – неодобрительно окинула меня взглядом Нюша.

– Не-а, – заявила я, – просто не хочется.

– Хорошо тебе, а меня прямо трясет при виде шоколадок, да уж в 52-й размер не влезаю, – вздохнула Аня, – ну что надо, выкладывай.

– Знаешь, где я работаю?

– В сыском агентстве, – хмыкнула Нюша, – на мой взгляд, отвратительное место, совершенно не подходящее для интеллигентного человека.

– Ага, – кивнула я, – верю, но сейчас на моем столе очередное дело – об убийстве Нади Киселевой.

Хорошенькая красенькая чашечка в белый горошек выпала у Нюши из рук. Стукнувшись о стол, чашечка перевернулась, коричневая жидкость ручейком устремилась на пол.

– Ты чего, – забормотала Аня, пятясь к столу, – что такое врешь... про Надьку.

Я прикусила язык, но было поздно. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Да уж, сваяла я дурака. Надюша погибла этой ночью, откуда бы Аньке знать о происшествии? На часах только полдень.

– С ума сошла, – бормотала Нюша, махая руками, – совсем плохая, да?

Пришлось рассказать подробности. Узнав детали, Нюша посерела и села на табуретку.

– Господи, – застонала она, – говорила же ей! Сколько раз предупреждала, нет, ей словно глаза затмило. Богданчик, Богданчик... Вот, дождалась.

– Чего? – осторожно поинтересовалась я.

– Того, – рывкнула Нюша, – в ответ на свою любовь. Ах он, сукин кот, и она хороша, дрянь!

– Кто?

– Богдан! – заорала Нюша, теряя самообладание, – Богданчик, любименький. Вы-то все его обожали, одна я правду знала, да молчала, Надьку жалела. Намекала ей изредка, но с Надюхи все прямо стекало. Не понимала, что я имею в виду, или не хотела понимать...

– Ты о чем?

– Изменял он ей, – взвизгнула Анька, – баб имел кучу, про одну точно знаю! В туристическом агентстве «Ник-трэвел» работает. Такая блондиночка, серенькая, поглядеть не на что, а туда же, с женатым связалась. Гнида! Звать ее Марфой, ну и имечко! Такое же противное, как и сама бабища!

– Послушай, – не выдержала я, – ты не врешь случайно, а? Богдан обожал Надю. У них был прочный брак, основанный на любви...

– Вот и нет, – затопала ногами от злости Нюша, – он всех

обманул, вокруг пальца обвел!

– Откуда ты знаешь, да еще с такими подробностями, про имя и место работы этой особы?

– Ха, слушай.

Два года назад в Ньюшиной жизни появился кавалер из военных. Ни по уму, ни по образованию он Шаховой в подметки не годился, но у Аньки напярэг с мужиками. Очевидно, нюхом чую исходящую от дамы редкостную стервозность, лица противоположного пола убегают при виде Ньюши, словно резвые сайгаки. Поэтому, когда Константин предложил Шаховой провести с ним майские праздники в санатории под Москвой, Анька решила наплевать, что кавалер неправильно ставит ударение в половине слов и не читал Пелевина. В конце концов, когда тебе за тридцать, нужно хоть разок сбежать замуж, а потом, противно морщась, бормотать: «Ну уж больше никогда под венец не пойду, хватит, накушалась».

Только из этих соображений Анюта и поехала с тяжелым сердцем в «Лесные зори». Она надеялась, что Константин сделает ей предложение. Но все оказалось очень плохо. В доме отдыха ее кавалер столкнулся с двумя сослуживцами и мигом напился.

Нюша распсиховалась и убежала в номер. Примерно через час Константина буквально принесли и швырнули в койку. Дама не пожелала ложиться рядом с отвратительно воняющим кавалером. Переполненная злобой, она стащила матрас, бросила его в ванну и улеглась на импровизированное

ложе, старательно обдумывая, что выскажет пьянчуге завтра.

Сон не шел. Как назло в соседнем номере поселилась парочка, весьма довольная друг другом. Мужик и баба самозабвенно занимались сексом, причем выбрали они для этого ванну. Нюше было великолепно слышно все: охи, ахи, стоны. Мужик без конца бормотал:

– Чья это попочка? Ну чья это попочка?

Нюша вертелась под одеялом, надеясь, что страстные любовники утомятся. Куда там, создавалось такое ощущение, что у этих ребят просто неисчерпаемый источник сил. Услышав в сотый раз «чья это попочка?», Нюша сначала хотела заорать: «Разберитесь, наконец, где чья жопа, и дайте спать». Но хорошее воспитание удержало ее от подобного поступка. Потом в соседнем номере начало твориться нечто невообразимое. Любовники, очевидно, переместились в комнату, потому что раздался треск, скрежет, гром... В конце концов Нюша, полная ярости, влезла в халат и вышла в коридор. Она постучала в дверь соседнего номера и уже совсем было собралась сказать его обитателям все, что о них думает, но слова застыли в глотке. Дверь распахнулась, на пороге возник одетый в роскошную шелковую пижаму... Богдан.

Принято считать, что самую долгую паузу держат актеры МХАТа в последнем акте бессмертного произведения Гоголя «Ревизор». Поверьте, немая сцена в коридоре санатория оказалась более эффектной. Первой пришла в себя Анюта и от неожиданности ляпнула глупость:

– Ну надо же! И вы с Надькой тут!

Богдан стал похож на перезревшую клубнику.

– Ну... это... Я... мы...

– Что случилось? – слышалось из глубины номера.

Из-за спины Богдана вынырнула тоненькая блондиночка, смахивающая на лабораторную мышь, ничего общего с красавицей Надюшей не имеющая. Богдан потерял сходство с клубникой и стал похож на баклажан.

– В чем дело? – настаивала ничего не понимающая блондиночка.

– Своими визгами вы не даете нам отдыхать, – сообщила Аня и ушла.

Настроение у нее совсем испортилось. Если говорить откровенно, Нюша частенько завидовала Наде, имевшей счастливую семью. И вот такое приключение. Неожиданно Аня заплакала, сама не понимая почему. В чувство ее привел легкий стук в дверь.

– Открой, – прошептал Богдан, – поговорить надо.

Аня вышла в коридор. Надин муж принялся болтать чушь о большой любви к жене, об огромном, светлом чувстве... Просил сохранить тайну...

– Не дрожи, – оборвала его Аня, – я ничего не скажу, но не потому, что хочу тебя выручить. Надьку жалко, она умрет, ежели узнает.

Утром Богдана и след простыл. То ли не захотел встречаться больше с Нюшей, то ли еще почему, но парочка пре-

рвала каникулы и уехала. Аня спустилась к администратору и спросила:

– Простите, кто занимает шестнадцатый номер?

– Шевцовы, – ответила дежурная, – а что?

– Они просили у меня книгу Марининой почитать, – бодро соврала Нюша.

– Они уехали еще до завтрака, – сообщила тетка, – оплатили десять суток, а умелись раньше.

– Шевцовы, – протянула Нюша, вспомнив, что это фамилия Богдана, – муж с женой, что ли?

– Ага, – кивнула дежурная, – Богдан и Марфа, ну и имена. Просто сказка! Первый раз такие услышала.

– С чего вы решили, что они семейная пара? – недоумевала Аня.

– Так я паспорт видела, – пожалала плечами женщина, потом хитро прищурилась и поинтересовалась, – вы вроде с ними в соседнем номере, в 17-м?

Аня кивнула. Администраторша захихикала.

– На них уже жаловались из пятнадцатого. Говорят, всю ночь шумели, прямо эфиопские страсти.

Аня улучила момент и заглянула в книгу регистрации жильцов. Шевцова Марфа Георгиевна, место работы – «Никтрэвел».

– Вот он какой, – шипела Аня, – двуличный мерзавец... Водил Надьку за нос! Сколько раз меня так и подмывало правду ей рассказать, еле удержалась! Бедная, бедная моя

Надюшка, господи, за что? Имей в виду, Лампа, если кто и желал ее смерти, так это та дама, Марфа. Ишь, женой прикидывалась, сучара гладкая! Хотя скорее всего дежурная наврала, никакого паспорта она не видела, небось сунул ей Богдашка деньги и все дела.

ГЛАВА 7

От Ньюши я вырвалась только к четырем часам дня, страшно утомленная и злая. Ей-богу, выдержать такую порцию ненависти, которая исходит от Шаховой, не каждому по плечу. Анюта никак не желала отпускать меня, вываливая на голову невероятное количество сведений об общих знакомых. Шахова и впрямь все обо всех знала: кто чем болен, у кого сколько денег...

С жуткой головной болью я доплелась до метро и встала на эскалатор.

– Граждане пассажиры! – заорало радио.

От неожиданности я чуть не свалилась со ступенек. Ну разве можно так пугать народ!

– Московский цирк на Цветном бульваре приглашает провести выходной день вместе с его артистами, – бодро вещал женский голос, – вас ждет незабываемое представление, воздушные гимнасты, акробаты, хищники и обезьяны на коньках! Все это – цирк на Цветном бульваре.

– Обезьяна на коньках – это нечто, – неожиданно вслух сказала я и налетела на мужчину, сходявшего с эскалатора впереди меня.

Мужик резко обернулся и схватил меня за плечо.

– Ты поаккуратнее насчет обезьяны на коньках, так и огрести можно!

– Вы что? – изумилась я.

– Это ты что, – обозлился вконец парень, – зачем обзываешься?

Тут только я заметила, что у него через плечо висят два ботинка с коньками.

– Так я обезьяна на коньках? – наседали мужчина, багровея. – А ну повтори!

– Вы не так поняли, – залепетала я, – ей-богу, я не вас имела в виду.

– Кого тогда? – набычился мужик, продолжая крепкими, просто железными пальцами сжимать мое плечо.

– Ну радио все время говорит, послушайте, просто я повторила. Обезьяна на коньках! Ведь смешно.

– Мне нет, – гаркнул парень.

– Граждане пассажиры, – продолжала дикторша, – лучшее место для отдыха: солнечный Египет. Теплые воды...

– И где тут про коньки? – поинтересовался мужик, подталкивая меня к стене. – Ну, ща получишь! Будет еще всякая шмакодявка надо мной издеваться. Никому не позволено смеяться над Николаем Гудковым, слышишь, ты, мышь белая.

Он наклонился ко мне совсем близко, и я почувствовала сильный запах алкоголя. Хуже ситуации и не придумать. Мужик был «под мухой», в таком состоянии объяснить что-либо человеку невозможно. Дежурной возле эскалатора нет, милиционеров тоже, что делать?

– Граждане пассажиры, – ожило радио, – Московский цирк на Цветном бульваре...

– Во, – подскочила я, – слушай!

Парень надулся, но, услышав бодрое «и обезьяны на коньках», расцепил пальцы и, отпихнув меня, пошел к поездам. Хам даже не извинился. На всякий случай я подождала, пока поезда унесутся в тоннели, и только тогда прошла на платформу. Сколько еще сумасшедших бродит по столичной подземке?

Турагентство «Ник-трэвел» находилось в районе метро «Новокузнецкая», в маленьком двухэтажном старомосковском доме. Я вызвонила почти всю карточку «Би плюс», пока узнала его адрес. Конечно, сотовый телефон – хорошая вещь, но денежки в нем так и тают, не успела оглянуться, а на счету осталось пятьдесят центов.

Очевидно, «Ник-трэвел» процветающая контора, офис выглядел безукоризненно. В большом холле, сверкавшем лакированным паркетом, за красивым столом восседал молодой парень, окруженный техникой: компьютер, принтер, факс, парочка телефонов и еще какие-то незнакомые мне аппараты. Все гудело, мигало и звенело. Не обращая внимания на звуки, юноша расплылся в счастливой улыбке.

– Рад, очень рад.

На всякий случай я обернулась, вдруг сзади стоит еще кто-нибудь, кому адресованы приветливые слова. Но нет, оказалось, что служащий счастлив видеть именно меня.

– У нас сегодня удивительное предложение, – тархтел паренек, выхватывая левой рукой бумагу из принтера, а правой – листок, выползающий из факса, – исключительно интересное и выгодное. Кипр! Всего двести сорок долларов!

– Скажите, – попыталась я прервать его, – Марфа Георгиевна у вас работает?

– Шевцова?

– Да.

Мальчишка поскучнел:

– Ступайте в пятую комнату, по коридору налево.

В комнате стояли три стола и сидела одна светловолосая женщина, щелкавшая мышкой.

– Вы Марфа Георгиевна?

Блондинка показала на пустой стол у окна:

– Марфа дома, у нее ребенок заболел.

Интересненько, значит, милая дама замужем и имеет чадо, а может, и несколько деток!

– Не подскажете, как с ней связаться?

Блондинка насупилась:

– Зачем? Если по вопросу покупки тура, то можно со мной побеседовать, мы не даем домашние адреса сотрудников.

– Понимаете, – забормотала я, – я в Москве нахожусь проездом, завтра улетаю, меня просили передать посылку общие друзья...

– Погодите, – улыбнулась девушка, – сейчас.

Она быстро потыкала пальчиком в кнопки.

– Марфа? Привет, Зина беспокоит. Как там Варька? Ну не переживай, сопли пройдут. Слышь, тут пришла... простите, как вас зовут?

– Евлампия Андреевна, можно просто Лампа.

Зина хихикнула и продолжила:

– Евлампия Андреевна говорит, что готова твою посылочку в Израиль Павлухе оттащить. Только она завтра уезжает, проездом в Москве.

Трубка бурно запищала.

– Вас Эмма Коган прислала? – спросила у меня Зина.

Я кивнула.

– Хорошо, хорошо, – бросила в телефон Зиночка, – не волнуйся.

Она отсоединилась и велела:

– Пишите. Улица генерала Малофеева, дом шестнадцать, квартира девять. Только не звоните, просто дерните за ручку, дверь будет открыта, там ребенок больной спит.

Я вышла на улицу и понеслась к метро. Нет, все-таки у нас много ненормальных. Ну что я сказала этой Зине? Меня просили передать посылку общие друзья... честно говоря, я собиралась продолжить, мол, в ящичке сыр, быстропортящийся продукт, хочу отдать привет из Эстонии сегодня. Но Зина полезла поперек батьки в пекло и сама сделала неправильные выводы. Вроде того парня с коньками, услышавшего про обезьяну. Но мужик был пьян, это его хоть в какой-то

мере извиняет, трезвая же, как стекло, Зина просто не дала мне договорить. Отсюда мораль: никогда не перебивайте собеседника, вдруг в следующей фразе он сообщит совсем не ту информацию, которую вы ждали.

Дверь и впрямь оказалась незапертой. Я вошла в просторную прихожую и покашляла. Из одной комнаты выскочила худенькая блондиночка, миниатюрная, изящная, с крохотными руками и ногами. Скорей всего она купила себе детские джинсы, потому что я, с моим сорок вторым размером одежды, казалась рядом с ней ожиревшей коровой. Лицо у Марфы было блеклым, в нем совершенно отсутствовали брови, ресницы и губы. Может быть, накрашившись, она выглядит привлекательно, но сейчас напоминала серый лист оберточной бумаги, по которому прошлись ластиком, стирая портрет, сделанный простым карандашом. Даже глаза у нее были бесцветные.

– Вы от Эммочки? – прошептала Марфа.

– Да.

– Пойдемте на кухню.

Закрыв дверь, Марфа улыбнулась.

– Спасибо, что приехали. Варька грипп подцепила, скорей всего в садике, у них вечно все кашляют и чихают. Прямо беда, неделю ходим, три дома сидим, на меня уже на работе косо смотрят. Боюсь, выгонят скоро. Вам кофе или чай?

– Лучше чаю, – попросила я.

Марфа принялась ловко орудовать чайниками, пока она

колдовала над заваркой, я оглядела стол и увидела чашки с надписями. На желтой стояло «Варя», на синей – «Богдан».

– Какое редкое имя, – пробормотала я, показывая на кружечку, – никогда не встречала подобное.

Марфа засмеялась.

– Да уж, нам с мужем повезло. Чашку он привез из Киева, ездил в очередную командировку и там купил. На Украине это имя довольно распространенное, а в Москве днем с огнем не сыскать. И вот с Марфой то же самое. Вам с сахаром?

– И давно вы замужем?

Марфа растерялась.

– Это как считать, либо пять лет, либо полгода.

– Не понимаю.

А женщина вновь улыбнулась.

– Мой супруг, Богдан Шевцов, врач, служит в подразделении «Медицина катастроф». Где что произойдет, они туда с бригадой летят.

Я закашлялась.

– Слишком крепкий налила? – заботливо спросила Марфа.

– Нет, все хорошо, просто я поперхнулась. И много ваш муж ездит?

– Господи, – всплеснула руками Марфа, – да его Варька не узнает, когда видит. Ей четыре годика, Богдан умотает на три недели, вернется, а дочка папу забыла. Тот подарок протягивает, а она давай рыдать от страха, цирк прямо. Вот сей-

час только март, а муж уже слетал раз десять. Так и получается, браку нашему пять лет, а вместе мы провели от силы полгода.

Я растерянно смотрела на Марфу. В голове теснились разные мысли. Надя говорила, что Богдан раз в месяц обязательно ездит в командировки, закупает медицинскую аппаратуру, повышает свой профессиональный уровень на всяких семинарах, часто зарубежных. Ему приходило много приглашений. Надя никогда с ним не летала, подруга панически боялась самолетов, сесть в железную птицу для нее было равносильно огромному стрессу, вот милейший Богдан и мотался один.

– Ну прямо, как назло, – сказала один раз Надя, – все эти чертовы симпозиумы бог знает где устраивают. Америка, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Хоть бы в Польше организовали или в Германии, мы могли бы вместе на поезде поехать. А так Богдан улетает, я остаюсь и очень тоскую.

– Конечно, я очень тоскую, – сказала Марфа, – нам редко удастся вместе отдохнуть, его везде находят. Богдан не имеет права отключать пейджер и мобильный. Тут поехали как-то раз в Подмосковье, на неделю, представляете, в шесть утра сообщение скинули. Пришлось спешно уезжать. Правда, летом стараемся вместе через мое агентство отправиться. Мы с Варькой едем на четырнадцать дней, а муж потом присоединяется, неделя, да наша.

Я старательно глотала чай, делая вид, что полностью по-

глощена этим процессом. Ай да доктор, все предусмотрел. Правильно, он никак не мог вылетать вместе с Марфой, небось показывал Надьке билет. А Киселева всегда проводила любимого муженька чуть ли не до трапа.

– Мы много где побывали, – как ни в чем не бывало рассказывала Марфа. – Канада, Австралия, Новая Зеландия... Конечно, утомительные перелеты, но Богдан любит далекие страны. Европа его не прельщает. Вот в Израиль никак не слетаем, потому и приходится Павлику посылочки передавать. Вы не волнуйтесь, она не тяжелая.

Марфа открыла небольшую картонную коробочку, стоявшую на столе.

– Вот смотрите.

– Зачем?

– Ну должны же вы знать, что везете!

Я уставилась на кучу открыток и марок.

– Что это?

– Мой брат, – спокойно пояснила Марфа, – художник, но не совсем обычный. Павлуша рисует открытки, поэтому скупает все, что выходит. Вот посылаю ему наши новинки, не волнуйтесь, это совершенно законное дело, никакой художественной ценности они не представляют, просто, если отправлять их бандеролью, месяц пройдет. Здесь телефончик и адрес. Павлушка сам приедет, только позвоните.

– А где ваш муж? – бесцеремонно спросила я.

Марфа махнула рукой:

– В Чили уехал, обещал двадцатого вернуться.

– Вы его не ездите провожать?

– Они с работы отправляются, – пояснила Марфа, – только и успевает по телефону звякнуть: «Тридцать девятый, держи хвост пистолетом, узнаешь?»

– Кто? – обалдело спросила я.

Марфа покраснела.

– Это у меня случайно вылетело. Мое ласкательное прозвище – «поросеночек». Долго объяснять, они у нас по номерам идут... Вас, наверное, супруг тоже как-нибудь нежно зовет.

– Я в разводе.

– Простите, – сказала Марфа, – не хотела вас обидеть.

В ту же секунду из глубины квартиры раздался сердитый, басовитый рев.

– Иду, иду, – крикнула Марфа и кинулась на зов. Я пошла за ней. В большой, светлой комнате, забитой до потолка игрушками, в роскошной бело-розовой кровати сидела заплаканная девчушка редкой красоты. Девочка явно пошла не в мать. Темно-каштановые волосы красивыми крупными локонами падали на пухлые плечики, обтянутые хорошенькой пижамкой. Огромные карие глаза, четко очерченный ротик и тоненький носик. Лет через десять-двенадцать к ногам этой девочки рухнет огромное количество лиц мужского пола. Я вспомнила черноглазого, кудрявого Богдана и протянула:

– Ваша дочка на отца, наверное, похожа!

– Как две капли воды, – ответила Марфа, переодевая девочку в костюмчик, – вот смотрите.

Она указала пальцем на книжную полку, и я увидела под стеклом большое фото мужа Нади Киселевой.

– Папа, – запрыгала по кровати девочка, – папа, дай!

Марфа вытащила снимок и протянула ребенку.

– Держи, Варечка.

– Папочка, – пробормотала дочка и поцеловала изображение, – папочка, любимый.

– Скоро вернется, – пообещала Марфа, – и подарки привезет, подожди, недолго осталось. – Потом повернулась ко мне и добавила: – Вот, пришлось портрет в детской поставить! Ну ничего, надоест же ему когда-нибудь летать...

Я вышла на улицу с гудящей, ничего не соображающей головой, дошла до метро, села на скамеечку и попыталась разложить полученную информацию по полочкам. Интересная, однако, картина получается. Значит, милейший Богдан, обожающий Надюшу, на самом деле двуличный негодяй, живущий двойной жизнью. И как ловко устроился, даже звал своих женщин одинаково: поросеночек. Небось боялся запутаться. Однако девочке четвертый год, и нет никаких сомнений в том, что она дочь Богдана. Варя просто копия отца. Надюша так и не смогла родить мужу ребенка. Но Богдан никогда не настаивал, пару раз Надя сбегала на консультации к гинекологам, выяснила, что вроде все на первый взгляд в порядке, и успокоилась.

– И зачем нам наследники? – пожимал плечами Богдан. – Поживем лучше для себя. От детей одни неприятности.

Надюша была того же мнения, она слишком сильно любила мужа. Получись у них ребеночек, Киселева бы обязательно родила, а раз нет, то и не надо.

Марфа же подарила Богдану дочь. Может, именно из-за девочки Шевцов и изображал семейную жизнь с ее матерью? Правды мне теперь не узнать. Богдан – покойник, Надюша тоже на том свете. Важно другое, Марфа не имеет к этой истории никакого отношения. Она совершенно искренне полагает, что супруг находится в командировке и поджидает его назад. Или Марфа – гениальная актриса, сумевшая скрыть от посторонней женщины горе и тоску. Но что-то мне подсказывает: она ни при чем. Вот бедняга! Ей-то не сообщат о смерти Богдана, может, мне следовало раскрыть женщине глаза? Я вспомнила простое лицо Марфы, радостно скачущего по постели ребенка и вздохнула. Ну уж нет, увольте. Пройдет отведенный срок, Марфа сама забеспокоится, обратится в «Медицину катастроф» и узнает правду.

Впрочем, не знаю, существует ли на самом деле подобная организация, но если да, то там сразу объяснят, что Богдан Шевцов не имеет к ней никакого отношения. Марфа никак не могла довести Надю до самоубийства по одной простой причине – она ничего о ней не знала. Уходя, я сказала женщине провокационную фразу:

– Ваш муж такой интересный мужчина, мой тоже был кра-

савец. Знаете, почему мы развелись? Врал мне все время, что по командировкам таскается, а сам у любовницы жил. Так что будьте осмотрительны, все мужики – сволочи, тем более писанные красавцы. Чего я только не делала, даже к его даме сердца явилась и посуду переколотила. Все зря, кобель он и есть кобель.

Марфа улыбнулась:

– Спасибо за предупреждение, только Богдан не такой, он каждую свободную минуту старается с нами провести, мы любим друг друга. Хотя, если бы у него появилась любовница...

– Вы бы убили разлучницу, – радостно ляпнула я.

– Господь с вами, – замахала руками Марфа, – я бы поговорила с ним по душам и узнала правду. Если это просто интрижка, то и беспокоиться нечего, все равно ко мне вернется, а вот если муж всерьез полюбил, тогда...

– Убили бы? – с надеждой спросила я.

– Никогда в жизни, – вздохнула Марфа, – что вам в голову всякие ужасы лезут? Убила, убила... Телевизор, наверное, много смотрите. Нет, конечно, какое у меня право лишать жизни другого человека? Только господь может даровать или отнимать жизнь. Я бы отпустила Богдана, пусть будет счастлив.

Я вошла в вагон и прижалась спиной к двери, на которой белели слова «Не прислоняться». В детстве, когда мама возила меня в музыкальную школу, я, отупев от занятий, скла-

дывала из этого приказа другие слова. Слоны, нос, сон, соня, рис, пир... Получалось много...

Нет, Марфа тут ни при чем. Я сделала одну, но принципиальную ошибку. Скажите, пожалуйста, ну зачем ей доводить Надю до самоубийства после смерти Богдана? Логично было бы начать третиговать соперницу еще при жизни двоеженца. Надюша накладывает на себя руки, а Марфа получает мужика в личное пользование. А так...

Я вновь устала на надпись. Тон, стон, пистон, сено, след... Нет, последнее не подойдет, тут нет буквы «д». Получается «слет»... След! Я так и подскочила! Ну не дура ли! Наследство! Кому достанется все имущество: клиника, квартира, дача, сберкнижка, а? Кто получит тугую копеечку? Вот и ответ на все вопросы. С тех пор как финикийцы придумали деньги, человечество просто помешалось на разноцветных бумажках, в обмен на которые можно получить все, кроме истинной любви и здоровья.

ГЛАВА 8

Дома я столкнулась в подъезде с соседом Петькой Мамаевым. У нас живут в основном приличные люди, работающие, с семьями. Исключения только два. До недавнего времени в соседней с нами квартире жила баба-алкоголичка. Мы с Катей все время боялись, что она когда-нибудь заснет с сигаретой в руках, и начнется пожар. Но неожиданно нам повезло. Пьянчужка нашла себе мужа, вполне нормального, трезвого парня, продала хоромы и уехала с супругом в другой город. Но свято место пусто не бывает. Квартиру приобрел Петька. Сначала Мамаев показался всем вполне приличным парнем. Он ходил на работу, вежливо здоровался, и местные сплетницы, узнав, что Петька получил жилплощадь после разъезда с бывшей женой, начали подыскивать ему невесту из местных разведенков. Но буквально через пару недель ситуация кардинально переменилась. Мамаев запил, затем потерял работу, и сейчас это вконец опустившийся парень, рыскающий около метро в поисках пустых бутылок. Здороваться Петька со всеми перестал давно, поэтому представьте, как я удивилась, услышав от него:

– Привет, Лампа.

– Здравствуй, – ответила я, оглядывая Мамаева.

Впереди меня ждало еще одно потрясение. Петя был трезв, словно младенец.

– Ты пить бросил? – удивилась я.

– Завязал со вчерашнего вечера, – буркнул сосед, входя в лифт, – будет, нагулялся, пора и за ум братьяся. Вот, на работу ходил назад проситься, автомеханик я хороший, пообещал, больше ни-ни, даже не понюхаю.

– Правильно, – одобрила я, – молодец!

– Да уж, – вздохнул Петя, – до зеленых чертей допился. Думал, врут кореша про глюки, ан нет, правда. Знаешь, почему я решил пить бросить?

– И почему? – заинтересовалась я.

– Вчера вечером иду домой в стадии полтазика...

– Что?

– Ну это я так, образно называю, когда совсем плохо, блевать тянет, то, считай, полный тазик, а если просто покачивает, так половина. Ну да не в этом дело. Прикинь, Лампа, поднимаюсь на этаж, а там!!! Дьявол! Зеленый, пупырчатый, морда чемоданом, на ногах красные ботинки, на руках красные перчатки, тянется ко мне, зубами щелкает...

– А ты что? – поинтересовалась я, сдерживая смех.

– К вам позвонил. Тетка вышла, то ли бабка, то ли девка. Я ей чудище показываю, объясняю: черт пришел. А старуха в ответ:

«Ты бы еще больше водку глушил, тогда еще и чертенят увидишь!»

Петька, разинув рот, смотрел, как жуткое чудище уходит в квартиру, где живут соседи. Старушонка, закрывая дверь,

посоветовала:

– Завязывай ханку жрать, не ровен час, в психушку угодишь!

Мамаев мигом протрезвел. И вот ведь странность, к водке его больше не тянет, наверное, капитально перепугался, узрев черта.

– Нет, – бормотал Петя, всовывая ключ в скважину, – хватит, теперь иная жизнь пойдет, трезвая!

– Молодец, – похвалила я его, – не пей больше никогда, а то ведь так и правда с ума сойти легко, раз черти чудиться начали.

– Все, – отрезал Петька, – мне главное было решение принять.

Я вошла в квартиру, погладила тут же прилетевших собак, кошек и, увидев выползающую из кухни Люсю, с чувством сказала:

– Ну, дорогая, может, тебя сдавать напрокат наркоманам? Какой эффект от одного только твоего появления, а?

Вечер пролетел в заботах. Чувствуя некоторую неловкость перед Капой, я предложила:

– Давайте, сделаю ужин.

Капа хмыкнула:

– Обожаю готовить, а тебя при виде плиты колбасит, видно сразу. Хочешь, помой посуду.

Говоря подростковым сленгом, меня ломает, прямо крючит всю, когда требуется мыть жирные тарелки и сковород-

ки, но ведь не говорить же об этом женщине, которая полдня провела у плиты, вдохновенно стряпая фаршированную курицу. Я просто остолбенела, когда увидела это блюдо. Какое же терпение нужно иметь, чтобы сначала стащить с пернатого кожу, потом отделить мясо от костей, смешать со специями, приправами и еще бог знает чем, а потом запихнуть массу опять в кожу, зашить, сформировать «птичку», запечь в духовке... Столько часов потратить, чтобы домашние слопали блюдо за пять минут! Впрочем, еда понравилась всем чрезвычайно.

– Жаль, маленький цыпленочек, – вздохнул Кирюшка.

Капа хитро прищурилась и жестом фокусника достала из плиты второго бройлера. Дети взвыли от восторга, но есть не стали, в их желудках просто не было больше места.

– Не беда, – заявила Капа, – завтра доедим, она холодная еще вкуснее, чем горячая.

Потом все разбежались по комнатам, а я осталась возле мойки, полной грязной посуды. Муля вскочила на табуретку, положила голову на стол и принялась призывно поглядывать на курицу.

– Ну уж нет, – решительно сказала я, – фаршированные бройлеры не для мопсов. Собакам дадут в десять вечера крайне полезную овсянку с мясом.

Поняв, что со стола им ничего не перепадет, Рейчел, Рамик и Муля ушли спать, а Ада устроилась на кухне на стуле. Я убрала посуду и с чистой совестью пошла смотреть се-

риал про мисс Марпл. Ко мне никто не приставал. Кирюшка и Лизавета разжились кассетой «Звездные войны» и теперь самозабвенно смотрели видик. Капа мылась, из ванной слышался плеск воды и бодрое пение. Катюша дежурила, Сережка и Юлечка заперлись в спальне. Одним словом, я провела изумительный вечер, следя за приключениями бойкой английской старушки. Потом дети улеглись спать, я пошла на кухню попить воды и онемела. Тарелка, на которой лежала курочка, оказалась пуста. Сначала я всунулась к Лизе.

– Это ты съела вторую курицу?

– Нет, – буркнула Лизавета.

Затем тот же вопрос был задан Кирюшке, и на него последовал тот же ответ.

Полная негодования, я пошла в кухню. Не нужно быть мисс Марпл, чтобы разобраться в происшествии. Дети не ели птицу, Капа только-только вышла из ванной и с головой, замотанной полотенцем, продефилировала к себе, Юля с Сережкой давно спят. Значит, животные. Причем именно Муля. Кошки никогда не станут даже нюхать запеченную курицу, им подавай сырое мясо. Рамик и Рейчел сидели со мной, Люся – травоядная, Ада, правда, лежала на кухне, но она никогда не ворует. Наша Ада шумная, крикливая, покоя от нее нет ни днем, ни ночью, не собака, а живой звонок, но по столу она никогда не шарит. А вот Мульяна не прочь полазить везде в поисках вкусных кусочков. Горя справедливым гневом, я пошла в гостиную, нашла там мопсиху и гневно

спросила:

– Мульяна! Это ты?

Собачка тяжело дышала. Я испугалась. Сlopать целую курицу – это слишком, вдруг у обжоры случится заворот кишок? Не успев додумать последнюю мысль, я кинулась к телефону и набрала номер ветеринарной лечебницы.

– Моя собачка, маленькая, мопс, съела целую курицу, что делать?

– Без паники, – ответил молодой голос. – Следует сначала сделать промывание желудка, а затем поставить клизму.

– Как?

– Просто, – ответил ветеринар, – дайте мопсу стакана два воды, можно с марганцовкой или горькой солью, главное, чтобы его как следует стошнило, ну а с клизмой элементарно, неужели никогда детям не ставили? Советую поторопиться, целая курица – это многовато для компактного животного.

Я схватила Мулю поперек жирного животика и оттащила на кухню. Собачка не сопротивлялась. Наполнив блюдо водой, я велела:

– Пей!

Мопсика вяло полакала жидкость. Кажется, действую неверно. Велели дать либо с марганцовкой, либо с солью, причем горькой. Это что еще за соль такая, а? Может, йодированная? Порывшись в аптечке и обнаружив, что марганцовки нет, недолго думая, вытряхнула в воду две столовые

ложки поваренной соли и поднесла питье Муле.

– Пей!

Но та даже не захотела попробовать.

– Немедленно глотай!

Но гадкая Муля сидела, сцепив зубы.

– Ты можешь умереть, если не выпьешь!

Но этот аргумент не подействовал на собачку. Ладно, как говорил Ленин, пойдем другим путем.

Я перелила воду в кружку и попробовала напоить мопсикху. Не тут-то было. Та просто не желала глотать попавшую в пасть жидкость, и насыщенный солевой раствор стекал на пол. Через пару секунд я была мокрая, но никакого результата не добилась.

– Что ты делаешь? – удивился Кирюшка, заглянувший на кухню.

Услыхав суть дела, он перепугался и предложил:

– Давай так. Я держу, ты льешь.

Но и этот маневр не принес успеха. Теперь мы были мокрыми вдвоем, а Муля торжествовала. Спустя какое-то время появилась Лизавета. Последовали новый виток вопросов и ответов.

– Знаю, – завопила Лиза и схватила воронку. – Сейчас запихнем ее в Мулю и спокойно нальем воду.

– А получится? – засомневался Кирюшка.

– Будь спокоен, – заверила его девочка, – читала собственными глазами в книге. Так в застенках НКВД мучили людей.

Я вздохнула. В своем детстве я читала то же самое про ужасы фашистских концлагерей.

Кирюшка схватил мопсиху, Лизавета раздвинула ей пасть и всунула туда воронку. Я стала лить воду. Пришлось Мульяне глотать. Влив в нее нужную порцию, мы отпустили собаку и стали ждать результата. Мопсиха сидела тихо-тихо и смотрела на нас.

– Почему ее не тошнит? – спросил Кирюшка.

– Мало воды, – предположила Лизавета.

Мы повторили операцию. Эффекта не последовало. В третий раз накачивать несчастную водой я не разрешила.

– Лучше поставим клизму!

Кирюша и Лизавета оттащили собаку в ванную. Кто хоть раз пытался осуществить со своим псом данную медицинскую процедуру, тот меня поймет. Гладкошерстная Муля вертелась и выскальзывала из рук. Словно сообразив, что мы собираемся делать, она опустила обычно задорно скрученный хвостик и все время садилась на попку. Целых десять минут я производила только одно действие – поднимала мопсиху на лапы. Я ставила, а она садились... Притомившись от бессмысленных действий, я рассердилась:

– Лизавета, ну помоги же!

– Клизму держи, – ответила девочка.

– Кирюша!!!

Но мальчика и след простыл. Наш Кирюшка, хоть и ребенок врача-хирурга, панически боится всяческих медицин-

ских манипуляций и предпочитает исчезнуть, едва домашние берутся за градусник. Вот Сережка, тот другой. Катюша рассказывала, что он даже собирался поступать в медицинский, испугало его только количество костей в организме человека, название которых следовало в процессе обучения вызубрить наизусть.

– Лизавета, поставь клизму и хватай Мулю!

Девочка послушно устроила резиновую грушу на стиральной машине и взялась за собачку, я ухватилась за жирный хвостик, пока все отлично.

– Лиза, давай клизму!

– Но я держу Мулю!

– Протяни руку и возьми.

– Сама не можешь?

– У меня в левой руке хвост, а правой не дотянусь.

Лиза отпустила мопсиху, взяла клизмочку, Муля мигом села.

– Кирюша, – заорали мы в два голоса, – иди сюда!

– Что тут происходит? – раздался вопрос, и в ванную вошел зевающий Сережка. – Отчего вопль в неподобающее время?

Мы с Лизой, перебивая друг друга, объяснили суть.

– Да, – присвистнул Сережка, оглядывая пейзаж. – Не звони мне, не звони, лучше накопи ты двушки и купи мне бормотушки.

– Что? – удивилась я.

– Песню пою, – отмахнулся парень, – ну вы даете, настоящие собакологи. Значит, влили в Мульку два стакана воды с поваренной солью? Соль-то тут при чем?

– Ветеринар велел дать! С горькой солью!

– Лампа, – торжественно заявил парень, – человеческая тупость в соединении с безграмотностью дает потрясающий коктейль! Горькая, глауберова, или английская соль не имеет никакого отношения к натрий хлору, который стоит у нас на кухне. Это лекарство такое, усекла?

Я разинула рот:

– Первый раз слышу!

– Видишь, – резюмировал Сережка, – как плохо быть глупой! Ты не пробовала читать что-нибудь, кроме детективов? Скажу по секрету, есть масса полезных книг, у матери в комнате погляди. И уж совсем смешно не суметь поставить собачке клизму!

С этими словами он мигом проделал все необходимые действия, и противная Мульяна даже не подумала присесть.

– Вот, – удовлетворенно сообщил Сережка, – готово!

– И где результат? – спросила я.

– Сейчас будет, – заверил юноша.

Но и через пять минут ничего не случилось.

– Надо ее взболтать, – сообщил прибежавший Кирюшка.

Мальчик услышал, что процедура закончилась, и счел возможным вернуться.

– Когда кефир из бутылки не вылезит, – крикнул он, – его

трясут.

Мы не успели вымолвить и слова, как Кирка ухватил Мульяну и энергично встряхнул. Несчастливая разинула рот, икнула...

– Ой, – испугался «Айболит» и сунул собачку старшему брату.

Тот машинально взял ее, и именно в этот момент Мульяна, икнув еще раз, совершила то, чего мы ждали.

– Подействовало! – завопила Лиза.

– С двух концов, – добавил тихо Кирюшка и умчался.

Перемазанный с головы до ног Сергей только открывал и закрывал рот. Парень обозлился до такой степени, что потерял дар речи.

– Ну и воняет, – возвестила Лиза – а курицы-то не видно. Должны же хоть какие-то остатки найтись!

– Уже переварились, – вздохнула я.

В эту секунду в ванную вошла Капа.

– Боже, Сережка, на кого ты похож!

Парень поднял глаза на старушку и заорал:

– Что с тобой?

Мы уставились на бабушку. Реакцию Сережки можно было понять, выглядела Капитолина крайне эффектно. Из блондинки она превратилась в жгучую брюнетку с огненно-красной челкой.

– Нравится? – хихикнула Капа. – Самое модное сочетание этой весны, называется «цветущая вишня».

Я промолчала, по мне, так этому «пейзажу» лучше подходит другое наименование, например «катафалк», в моем сознании сочетание красного и черного цветов прочно ассоциируется с похоронами.

– Ты отвратительно выглядишь, – заорал Сережка.

– На себя посмотри, – справедливо заметила Капа, – может, я не слишком удачно, на твой взгляд, сменила имидж, но, по крайней мере, не источаю такие миазмы, как ты!

Сережка принялся снимать футболку.

– Ну, Кирилл, погоди, ну ты получишь!

Но он не успел осуществить акт возмездия, потому что в ванную, пошатываясь, вошла Ада. Наша Адюся очень милая, есть у нее только две гадкие привычки. Одна – лаять в любое время суток без всякого видимого на то повода. Вторая – идти в ванную и тихо писать там на пол, как только захочется. Зато Аду можно смело оставить возле миски, полной котлет, ни за что не возьмет. Вот и получается, что Муля – воровка, зато тихая и аккуратная, а Адюська – шумная безобразница, но честная.

– Ага, – пробубнил Сережка, влезая в мой халат, – что, мадемуазель, пописать пришли? Не стесняйтесь, можете прямо на моей одежде устраиваться, хуже ей уже не будет!

Но Адюсе, похоже, было плохо. Покачиваясь, она смотрела на нас бездонными, карими, по-детски беззащитными глазами. Потом икнула...

– Курица! – завопила Лиза. – Смотрите, вот она, курица!!!

Я так и села.

– Но Ада никогда не ворует.

– На этот раз поступилась принципами, – вздохнул Сережка, – пойду, убью Кириюху.

С этими словами он исчез. Я подобрала вконец испачканные футболку со спортивными брюками и засунула их в стиральную машину. Адюша ушла. Муля продолжала тихо сидеть под ручкомойником, потом она неожиданно разинула пасть и разразилась коротким громким лаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.